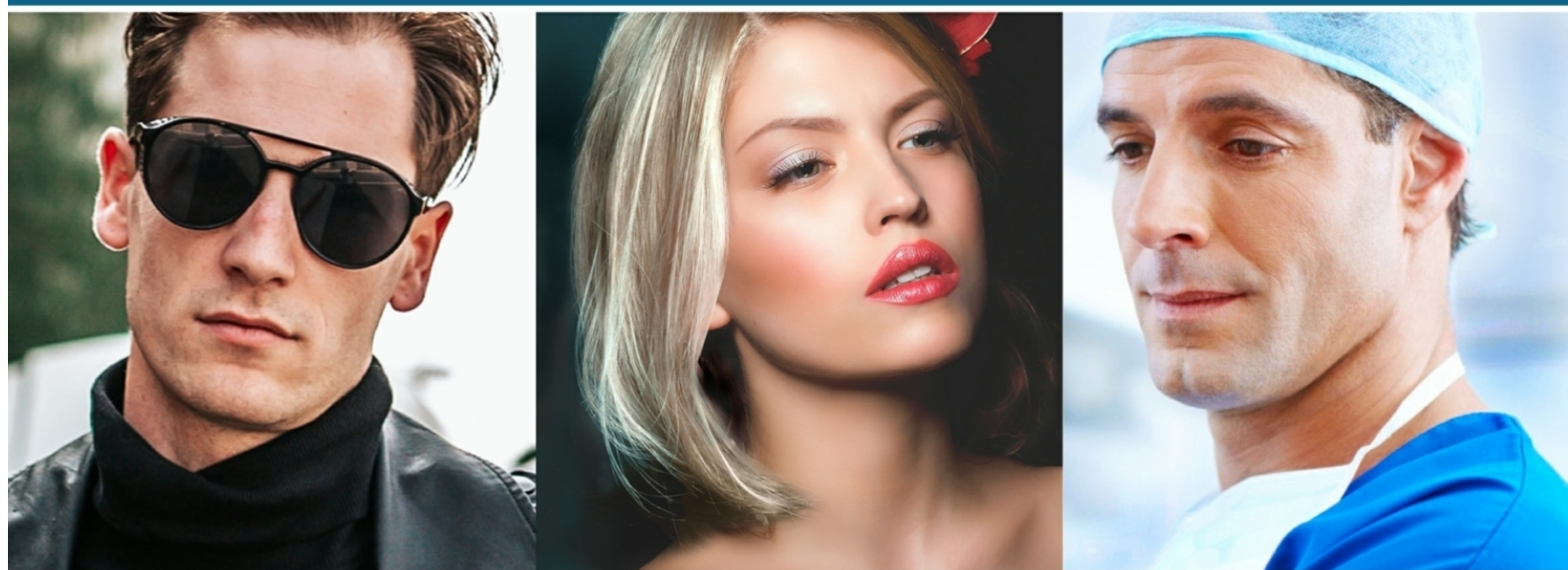

НИНА ЗАПОЛЬСКАЯ

ОФИСНОЕ КРЕСЛО И

ВУДУ-ЖАБА

ЭРОТИКА, ФЭНТЕЗИ

18+

Нина Запольская

Офисное кресло и вуду-жаба

«Автор»

2018

Запольская Н.

Офисное кресло и вуду-жаба / Н. Запольская — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-08945-7

Эротическое фэнтези. Рецепт счастья по-русски. Весёлые и правдивые истории восьми браков, шести способов выйти замуж и одного побега со свадьбы от мудрой мамы. Все браки случаются на Небесах, но начинаются они на Земле порой с тяжёлой травмы колена. Бухгалтеру Верочке (пока не замужем) сначала не повезло, но оказалось, что судьба нарочно приготовила ей офисное кресло, чтобы отвезти на нём к будущему мужу. И это только начало волшебной сказки о превращении скромной девушки в роскошную красавицу, о злых чарах пластического хирурга Кощева и о любящем сердце Сергея, дизайнера из Москвы. И свадьбой приключения влюблённых не заканчиваются.

ISBN 978-5-532-08945-7

© Запольская Н., 2018

© Автор, 2018

Содержание

От автора	5
1. Лягушонка в коробчонке	6
2. Рита и пилон	13
3. Никогда не бойся перемен	18
4. Шёл трамвай десятый номер	25
5. Когда утро начинается с шампанского	30
6. Интернет-магазин.Ru	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нина Запольская

Офисное кресло и вуду-жаба

От автора

Социологи уверяют нас, что с развитием интернета и других информационных технологий, резко выросла насыщенность информационной среды, окружающей человека. Психологи вовсю пугают эффектом клипового восприятия. Становится понятно, что без надлежащей культуры мышления или без специальной подачи текста человеку тяжело и неинтересно ориентироваться в окружающем его информационном пространстве.

В то же время изменение в восприятии можно считать и достоинством: мы начали «работать» на несколько тем сразу – пишем пост в блогах, отвлекаемся на лайки, смотрим котиков, отвечаем на звонки. Ну, и работаем по своему бизнесу, конечно. Это пока – не хорошо и не плохо. Это пока – данность, с которой надо считаться.

Для тех, кто постепенно приобретает клиповое мышление (для «клипоманов», которые в тренде) я написала роман из клипов – коротких ярких глав-рассказов, не раскрывающих до конца содержание всего романа, чем очень недовольны приверженцы традиционных текстов с их последовательным изложением.

Ну, что же... Будущее покажет, кто из нас прав.

А пока – «Офисное кресло и вуду-жаба» – роман о счастье по-русски, который состоит из рассказов-клипов о весёлых и грустных волшебных приключениях в современной Москве и в тридесятом заморском царстве. А ещё: о царе и храбром царевиче, о его братьях и их злых жёнах, о коварном Кощее Бессмертном и Бабе Яге, о путеводном клубочке, золотой стреле и, конечно, о прекрасной, но заколдованной царевне-лягушке.

В общем, будет всё – как в нашей жизни.

1. Лягушонка в коробчонке

Глава, с которой и началась эта история, очень похожая на сказку.

А ещё: разрыв мениска, родная бухгалтерия и наша отечественная медицина.

Той осенью Верочка разорвала мениск левого колена: очень серьёзная травма для тех, кто знает, что это такое.

Она тогда ещё этого не знала, а просто медленно брела на работу от метро – колено ныло уже несколько дней. И вдруг – резкая боль, от которой ей пришлось застыть на месте и даже дыхание затаить. Пережив первое потрясение, она вытащила телефон и заказала такси, а потом позвонила на работу и рассказала главбуху Марь Иванне о своём несчастье.

– Бухгалтеру коленки не нужны, – отрезала непреклонная Марь Иванна. – Я тебя никуда не отпущу, пока ты мне квартал не закроешь.

– А в травму? – всхлипнула Верочка. – Можно мне сегодня в травму съездить?

– Дорогая, ну, что ты спрашиваешь глупости? – Голос Марь Ивановны чуть смягчился. – В травму езжай, конечно! И к врачам, каким надо, я тебя отпущу, и на процедуры потом – пожалуйста! Но сначала – квартал. Закроешь квартал – и болей сколько влезет.

Тут Верочка увидела невдалеке своё такси и замахала водителю. Когда он подъехал, она, подволакивая больную ногу и стараясь не наступать на неё, кое-как залезла в машину и назвала адрес травмпункта.

Водитель оказался азиатом, вежливым и добрым до простоты мужчиной неопределённого возраста. Он поинтересовался у Верочки, что с ногой, а когда она стала объяснять, положил руку на её колено и спросил участливо:

– Тут болит?

– Уберите руку... Вы же не хирург, – смущённо пробормотала она, спихивая смуглую руку водителя с колена и отодвигая ногу от него подальше.

Доехали они быстро, а вот в травмпункте оказалось много народа, и в регистратуру пришлось стоять: все ближние кресла заняли травмированные. Когда Верочкина очередь подошла, какой-то мужчина, не выдержав, закричал через её плечо регистраторше в окошко:

– А побыстрее нельзя?.. Что вы возитесь?

– Надо было приезжать в травмпункт вчера, – спокойно ответила регистраторша. – Вчера у нас никого тут не было.

Очередь потрясённо замолчала, а регистраторша назвала Верочке номер кабинета, пояснив:

– Травматолог Нехорошев. Второй этаж... Лифта – нет.

Верочка забралась на второй этаж, хватаясь за перила руками и подтягиваясь на них всем телом. Потом она отсидела ещё одну очередь к травматологу, а когда вошла в кабинет, то сразу услышала:

– Не подходите ко мне! Сядьте на стул возле двери!

Видимо, увидев её удивлённое лицо, травматолог опять закричал от своего стола, объясняя:

– Я всё и так знаю!

Верочка тяжело опустилась на стул, держась для опоры за сидение.

– Рассказывайте, – приказал травматолог.

Потом он через сестру передал ей бумажку-направление на рентген и крикнул следующего пациента.

На другой день Верочка приехала на работу опять на такси, привязав к колену гипотермический лёд «Снежок».

Колено распухло и не сгибалось. Оно ныло ещё сильнее и подозрительно хрустело, а нога не хотела идти, несмотря на выпитые полпачки нестероидных противовоспалительных, которые Верочке прописал травматолог.

Родная бухгалтерия встретила её сочувственными ахами и рассказами о своих коленках и прочих других травмах. Наибольшую поддержку, конечно, Верочке оказала её закадычная подруга Пантелеева.

– Все врачи делятся на тех, кто смотрит в лицо пациенту и тех, кто даже не поворачивается к нему, – сказала Пантелеева. – И по моим наблюдениям: молодые врачи смотрят на пациента, но ничего ещё не знают... А вот врачи в возрасте – у них опыт уже есть, но пациента они даже не слушают. Так что считай – тебе повезло. Травматолог тебе попался опытный.

Верочка горестно вздохнула и пробормотала:

– Я сделала рентген, и он показал...

– Рентген – это провокация, – отрезала Пантелеева. – Помнишь, меня в мае на скорой привезли в Сокольническую больницу с прострелом поясницы?.. Сделали рентген и по нему поставили диагноз – воспаление лёгких. Недельку кололи от него, потом заводделением увидела снимок и сказала, что это не затемнение в лёгких, а след от моей большой груди.

– Да, помню, – потрясённо подтвердила Верочка и добавила с завистью: – Грудь у тебя – классная.

Пантелеева в задумчивости подняла тонкие брови и произнесла:

– Надо сделать МРТ. МРТ всё покажет лучше рентгена. Только в поликлинике по месту жительства ты будешь ждать МРТ полгода...

– Ну почему полгода? – отозвалась со своего места Нина Павловна. – Не полгода, а всего месяца три-четыре. Но сначала обязательно надо записаться к врачу, который направит твоё дело на комиссию... А та уже даст разрешение на МРТ.

– Но это долго! – воскликнула Верочка.

– Есть выход, птичка моя, – успокоила её Пантелеева. – Идёшь на МРТ в свою же районную поликлинику, но через «Платные услуги». Там всегда талоны есть, были бы деньги...

Верочка позвонила в Платные услуги. Там талоны действительно имелись, но ближайшее время оказалось только через неделю. Скрепя сердце, Верочка согласилась – ехать сейчас куда-либо далеко от дома она не могла.

Целый день она прикладывала к колену гипотермический «Снежок», а потом девочки нашли пластиковую квадратную бутылочку из-под воды и заморозили лёд в ней. В туалет они по очереди возили Верочку на офисном кресле – в общем, поддерживали изо всех сил. Верочка приняла все оставшиеся в пачке нестероидные противовоспалительные и время от времени кривилась от боли.

Первой не выдержала Петрова.

– Тебя сглазили, – сказала она, вытаскивая из ушей наушники. – Хочешь обижайся на меня – хочешь нет. Я тебе это всегда говорила. Поэтому ты и не замужем до сих пор. И твоя кожа здесь совершенно не при чём.

– У нас полстраны сглазили, – резко ответила Нина Павловна, не поднимая головы от клавиатуры. – У нас полстраны не замужем!

Петрова растерянно замолчала – крыть было нечем. В бухгалтерии, действительно, почти все были не замужем. Потом Петрова осторожно посмотрела на Верочку, проверяя, не обиделась ли она.

Верочка уткнулась в монитор: её кожа доставляла ей постоянные и мучительные страдания. Уж что только она не делала с этими прыщиками, которые появлялись и появлялись у неё

на лице. А после недавней лазерной шлифовки на её лице остались пигментные тёмные пятна, в которых проступали кровеносные сосудики: горе-хирург просто сжёг ей кожу.

В офисе наступила тишина. Обстановку разрядила Соболькова.

– Попробуй намазать колено кремом «Софья – пчелиный яд» для суставов, – произнесла та из своего угла. – И погуще.

– Да ничего ваша «Софья» не помогает, – раздражённо отмахнулась Нина Павловна.

Тут не выдержала Пантелеева.

– Почему это не помогает? – возмутилась она. – Очень хороший крем, если мазать лицо. И оливковое масло там есть, и кедровое, и облепиховое. И мумиё. И экстракты шалфея и зверобоя. И ещё много всяких трав, целый список.

Девочки изумлённо замолчали, а Марь Иванна потянулась к своей сумочке за записной книжкой, в которую всё записывала «на память».

Ближе к вечеру нестероидные противовоспалительные перестали действовать вообще.

– Что ты пьёшь? – спросила Марь Иванна, видя Верочкины мучения.

– Найз, – ответила та.

Марь Иванна презрительно фыркнула и сказала:

– Верочка, ну кто так болеет? Только Целебрекс. Он самый сильный.

Бухгалтерия заспорила: посыпались названия, которые Верочка раньше даже не слышала. Когда все успокоились и немного поработали, Соболькова опять вытащила из ушей наушники и сказала:

– Надо к коленке привязать лягушку. Живую. Мне мой мануальный терапевт рассказывал про одну свою пациентку. Она к нему на первый приём пришла с лягушкой на ноге и говорила, что ей очень помогает.

Верочка онемела.

– Да что ты говоришь такие глупости! Какую лягушку? – вскричала Марь Иванна со своего места, потом она повернулась к Верочке и сказала: – Даже не слушай! И не лягушку вовсе надо привязывать, а жабу! У жабы слизь на коже особенная, едкая!

Девочки опять заспорили. Кто-то стал рассказывать о ядовитой тропической лягушке кокоа, кто-то – о вуду-жабе ага, страшно зловредной твари, умеющей, к тому же, плеваться ядом в своего противника. Конец спорам положила сама Верочка.

– Да где я сейчас лягушку найду? – спросила она. – Ведь осень уже.

Родная бухгалтерия притихла.

– Ну-у... Может купить в зоомагазине? – неуверенно предложила Соболькова.

– А если из зоомагазина не подействует? Может, они там искусственные? – опять спросила Верочка, уже улыбаясь.

– Значит – заговор. Заговор подействует непременно, – сказала Петрова и, оглядев всех в ожидании поддержки, закатила глаза и быстро забормотала: – Зубы мои зубы, выпадите все мои зубы, останьтесь одни губы.

– Ну... Это же для зубов, – проговорила Нина Павловна даже как-то разочарованно.

– Я других заговоров не знаю, – смутившись, объяснила Петрова.

– Дикость какая-то средневековая! Только Целебрекс, – начальственным голосом отрезала Марь Иванна, потом она глянула на Верочку, и взгляд у неё потеплел.

– Не печалься, деточка, – произнесла она уже каким-то не своим, а добрым голосом. – Вот влюбится в тебя какой-нибудь парень – всё сразу и пройдёт.

Тут Верочка с громким стуком привычным уже движением разбила пакет с гипотермическим льдом: рабочий день подходил к концу. Она держала лёд на колене, вздыхала и думала: «Да как же он в меня сейчас влюбится, этот парень, когда я даже ходить не могу?»

Вот была бы она волшебница – полетела бы домой на метле.

Через неделю МРТ выявило у неё разрыв мениска со смещением.

Верочке это МРТ показалось страшно болезненной процедурой, потому что её ногу, закрепляя, придавили какими-то тяжёлыми кирпичами, под которыми следовало лежать и не шевелиться. Шевелиться хотелось нестерпимо, и не просто шевелиться, а убежать, уползти, исчезнуть отсюда, наплевав на свои деньги. Верочка мучилась под кирпичами, пытаясь сдерживать конвульсии больной ноги, слушала космические пульсирующие звуки и тихо плакала.

Потом она едва упростила сестру дать ей талон в живую очередь к хирургу, к которому, вообще-то, полагалось записываться по терминалу и две недели ждать приёма.

В очереди на приём к хирургу многие сидели и писали. Когда Верочка спросила, что все пишут, ей объяснили, что симптомы заболевания для памяти лучше записать. Ведь когда заходишь к врачу в кабинет, то всё из головы вылетает, а болезней много и времени, чтобы вспоминать про них в кабинете – нет. Поэтому всё, что хочешь сказать, лучше заранее записать, а потом на приёме врачу продиктовать. Или ещё лучше – дома на принтере распечатать и врачу в печатном виде предоставить, положив на стол. Как вошёл – сразу молча кладёшь листочек с симптомами и не отвлекаешь больше специалиста своими глупостями. В коридоре же люди ждут!

– Боже мой! – пробормотала Верочка и начала искать в сумочке ручку.

– А что же вы хотите, милочка? На приём врача отпущено двенадцать минут! – воскликнула сидящая напротив приятная пожилая дама.

– Десять, – сквозь зубы поправил даму мужчина, баюкающий свою забинтованную руку.

– Уже десять? – ахнула приятная дама. – Кошмар, что творится!

Когда Верочка вошла в кабинет хирурга, тот вежливо предложил ей сесть на стул у своего стола. Колено он, как и травматолог, тоже не смотрел, зато очень заинтересованно расспрашивал.

– А вот когда больше болит? При ходьбе или в покое? – спросил он, глядя на Верочку глазами кота из «Шрека».

– При ходьбе, – быстро отреагировала она и посмотрела на хирурга с надеждой.

– А вот при какой ходьбе? Просто по прямой или по лестнице? – спросил хирург и выжидающе сощурился.

– По лестнице, – выпалила Верочка и подумала обрадованно: – «Ах, какой специалист!»

Она с надеждой смотрела на хирурга, но тот уже отвернулся от неё к монитору. Минуту он сосредоточенно что-то искал там мышью, а потом крикнул в сторону двери, не переставая что-то искать:

– Следующий!

«Видимо, хирург сделал всё, что мог», – решила Верочка и поковыляла из кабинета. Через минуту сестра вынесла ей в коридор направление на консультацию в 31-ю больницу. На это направление теперь следовало поставить: регистрационный номер в ещё одном кабинете и печати на первом этаже. Оба лифта в поликлинике работали исправно.

На работу она опять решила поехать на такси, правда, только от метро – для экономии. В галереях метро она передвигалась вдоль стенок, а по лестницам – приставным шагом, цепляясь руками за перила, а мимо неё бежали и бежали занятые своими проблемами люди. Видимо, они страшно боялись опоздать на работу или ещё куда-то, и Верочка очень стеснялась, что она им мешает, путаясь под ногами со своей травмой. В вагоне поезда она, зажата, стиснутая другими пассажирами, успокаивала себя тем, что ехать ей недалеко, можно и постоять.

В родной бухгалтерии все девочки работали, и она тоже включилась в работу, а потом попросилась в туалет, и девочки вывели её на офисном кресле в коридор.

Коридор был длинный, со многими поворотами, и, чтобы добраться до туалета, приходилось проезжать мимо дверей в соседние офисы, и девочки старались не шуметь и не разговаривать, чтобы не привлекать к ней внимания. Из дверей иногда выходили люди, но они не

смотрели в сторону Верочкиного кресла или деликатно делали вид, что не смотрят, и это её устраивало. Так, незаметно, она почти доехала до туалета, и тут из лифтового холла вышел какой-то незнакомый мужчина и язва-Сараскин.

Язва-Сараскин, конечно, тут же остановился.

– А вот и наша лягушонка в коробчонке едет! – радостно, во весь голос воскликнул он и добавил, посмотрев на мужчину: – А это наш новенький.

– Сергей Крылов, – сказал мужчина и протянул Верочке руку.

– Вероника, – сказала она, вкладывая свою руку в ладонь мужчины.

– Вы не похожи на Веронику. Можно я буду звать вас Верочкой? – попросил Сергей Крылов.

– Можно, – согласилась Верочка и потупилась.

Сергей Крылов поразил её ласковыми серыми глазами и крепким рукопожатием. Он поздоровался с Пантелеевой и Собольковой и спросил у Верочки:

– А что с вами случилось?

– Разрыв мениска, – привычно пробормотала она даже с какой-то гордостью.

– Ой, я тоже рвал мениск, – ответил Сергей Крылов, оживляясь. – Я знаю, как это тяжело.

Верочка вспомнила, что она сидит на офисном кресле посреди коридора и, не представляя, куда деваться от стыда, посмотрела на цель своего передвижения – дверь в туалет.

– Ну, не будем вас задерживать, – ухмыляясь, съязвил Сараскин.

Прежде чем уйти за Сараскиным, Сергей Крылов как-то потянулся к ней, и она потом долго думала, что он хотел помочь отвезти её, но постеснялся.

В бухгалтерии какое-то время стояла тишина, все прилежно работали, а когда Верочка положила ногу на стул и стала поглаживать колено, Соболькова вдруг сказала:

– Можно попробовать массаж котиком.

– О, котиков я люблю, – тут же оживилась подруга Пантелеева и добавила: – Особенно лет сорока-сорока пяти.

Все засмеялись.

– Попрошу без пошлостей, я – совершенно серьёзно, – сказала Соболькова и откинула чёлку со лба. – Пришла вечером домой, устала, как собака. Спина – ноет, ноги – болят, а котик – прыг тебе на спинку. Топ-топ лапками, топ-топ... Только не забывай коготки подстригать.

– А мой котяра, наверное, старый уже, он всё время спит, – отозвалась Нина Павловна огорчённо.

– Вот я и говорю... Только лет сорока пяти, – сказала подруга Пантелеева и мечтательно заулыбалась.

Соболькова на провокаторшу Пантелееву даже не взглянула.

– А чтобы не спал, не надо его кормить, – продолжила она и отчеканила: – Девочки, запомните: сытый котик – это только грелка, а вот голодный – это уже массажёр... Для приведения которого в рабочее состояния надо игнорировать все его умильные взгляды и жалобные «мяу». Отворачиваетесь от зверя и делаете вид, что его не замечаете, не видите и не слышите. Сам прибежит и всё разомнёт.

Тут Пантелеева опять вставила своё:

– Вот я и говорю... Лет сорока пяти – это зверь. А если голодный – то сам прибежит и всё разомнёт.

Соболькова фыркнула и, не сдержавшись, захохотала.

– Сумма авансового платежа по налогу на прибыль за девять месяцев составила 2 миллиона 337 тысяч рублей, – громко провозгласила Марь Иванна нарочито противным голосом, читая со своей распечатки, и строго посмотрела на Пантелееву из-под очков.

Все тут же вставили в уши наушники и отвернулись к мониторам. Только потом кто-то заговорил про йогу, что она – первое дело при болезни суставов и, особенно, колен.

– Это, девочки, смотря какой инструктор, – заспорила Петрова. – Мой самый первый инструктор на первом же занятии поставил нас всех на голову.

– Ой! Это же нельзя делать сразу! – воскликнула Нина Павловна.

– Вот и я тоже решила, что нельзя, и ушла от него, – стала рассказывать Петрова. – Вторая инструкторша попала – ничего, но она скоро сама ушла в декрет.

– Одна моя знакомая девочка нашла себе инструктора в самой Индии, – перебила Петрову Соболева. – А дальше так и моталась к нему до пятого месяца беременности.

– Что? Йога так способствует беременности? – потрясённо спросила Верочка.

Но ей никто почему-то не ответил, и тогда она привычным уже движением разбила пакет со льдом – рабочий день уже заканчивался.

Тут в дверь постучали, и вошёл Сергей Крылов. Он поздоровался со всеми и сказал Верочке:

– Я на машине и могу вас подвезти, куда вы скажете.

И Верочка растерянно ему кивнула, соглашаясь.

Когда новенький вышел, она достала из сумочки зеркальце и в который раз посмотрелась в него: на её лбу с самого утра красовался новый прыщик.

– Попробуй на лоб напустить чёлку, – посоветовала Пантелеева. – Побольше.

Верочка так и сделала, а заодно подправила косметику. В бухгалтерии все многозначительно улыбались.

Пантелеева даже подмигивала Верочке из-за своего монитора.

Не дозвонившись в 31-ю больницу, она поехала туда без звонка, сначала на метро, а потом на автобусе, благо он как-то сразу подошёл.

На нужной остановке она вышла и побрела за остальными такими же бедолагами с палочками сначала по длинному подземному переходу, а потом вдоль ограды больницы, удивляясь, что никто не догадался сделать остановку транспорта ближе к приёмному отделению. В регистратуре ей дали назначение на приём через двадцать дней к доценту Закировой.

Оказавшись опять за оградой больницы, Верочка заказала такси, не в силах брести до автобуса. На улице стояла удивительно тёплая для начала октября погода – видимо, в город пришла золотая осень. Верочка ждала такси, на котором она хотела доехать до метро, и улыбалась нежному солнцу, и высокому небу, и зелёной ещё траве, с грустью понимая, что таких дней может больше не случиться. Мимо неё чеканным, твёрдым шагом проходили женщины, девушки шли легко и быстро, а некоторые даже бежали на высоких каблуках, едва касаясь ногами асфальта, и Верочка им страшно завидовала. Ей казалось, что так бежать она уже никогда в жизни не сможет.

«Ах, если бы мне улететь на метле!» – мечтала она.

На работе каждый день все что-то советовали ей для колена, кто – живых пиявок, кто «тигровую» мазь, а Соня из соседнего офиса даже подарила пакетик грязи Мёртвого моря. Дома Верочка кое-как забралась в ванну с чуть тёплой водой и намазала «мёртвой» грязью колено. Грязь тут же начала щипать кожу. «Значит, действует», – обрадованно подумала Верочка и намазала грязью заодно лицо, шею и грудь. Потом она ещё несколько раз мазалась этой приятной грязью, засорила сток в ванне и поняла, что грязь прекрасно действует только на её ногти – от всевозможных таблеток у неё стали сильно ломаться и крошиться ногти, особенно на ногах.

И всё это время с работы и на работу Верочку подвозил Сергей Крылов.

Сергей работал графическим дизайнером, но о себе ничего не рассказывал. Откуда он проявился у них на фирме, никто не знал. Пантелеева по просьбе Верочки попыталась подкатиться к кадровичке Елене Михайловне, чтобы выпросить всё о Крылове. Елена Михайловна сделала страшные глаза и сказала всего два слова:

– Это тайна.

Девочки терялись в догадках, предполагали разное, но все сходились во мнении, что Крылов – очень приятный молодой человек.

В конце октября Верочка опять поехала в 31-ю больницу и отстояла мучительную очередь к доценту Закировой. Та на колено тоже не взглянула, а посмотрела диск с результатами МРТ и решительно сказала:

– Я даю вам направление на операцию.

– А само не заживёт? – с надеждой спросила Верочка.

– Нет, что вы? У вас же ещё и киста Бейкера, – ответила доцент Закирова и покривилась.

Потом она дала флайер на приобретение «расходного материала» для операции, объясняя, что хирургический инструмент Верочке надлежит купить самой – такой теперь порядок.

Дома расстроенная Верочка первым делом позвонила Пантелеевой.

– Что-то мне это совсем не нравится. Тебя вынуждают в одном, определённом месте купить инструмент, который стоит целых тридцать тысяч, – сказала та и спросила. – А квоты? В больнице должны быть квоты на бесплатное обслуживание. Давай, моя рыбонька, беги опять в поликлинику.

Потом они поговорили о Крылове и о друге самой Пантелеевой.

– Его как подменили, – стала жаловаться та. – Как ушёл из телохранителей от своего олигарха, так ходит вечно пьяный. Надо его бросать.

Верочка горестно заохала.

– Да, ладно, – отмахнулась Пантелеева. – Меня тут на фейсбуке один болгарин зафрендил. Я уже начала с ним переписываться. По-русски он только не особо сечёт. Всё больше шлёт смайлики.

Проговорили за полночь: на работе им разговаривать на посторонние темы запрещалось.

Утром Верочка бросилась к районному хирургу.

– Какие квоты? – горестно воскликнул хирург, и лицо его дрогнуло, как от боли. – Все квоты отменили! Не вы первая мне жалуетесь!

Но он ей дал другое направление, теперь уже в Боткинскую больницу, куда она сразу же дозвонилась, а потом легко записалась по интернету на приём к ортопеду Поляковой. И та, осмотрев её колено и все снимки, предложила ей попробовать полечиться.

И Верочка стала ходить на физиотерапию, сначала одну, потом другую, надеясь, что ей не придётся ложиться на операцию, но колену, в самом деле, становилось всё лучше и лучше. Это было чудо! Или редкостное везение, вот только не всем так везёт, точнее, почти никому – это она уже знала. И почти всегда с физиотерапии домой её отвозил Сергей Крылов.

Потом пришла зима. На Новый год они с Сергеем полетели отдыхать в Таиланд, и там Верочка впервые, в террариуме, увидела знаменитую вуду-жабу ага, и эта жаба показалась ей совсем не зловредной, а очень даже милой.

Жаба была огромная, с ороговевшей, сильно бородавчатой кожей неяркой бурой окраски, усеянной большими тёмными пятнами. Крупные глаза вуду-жабы – глубокие, лучистые – так напоминали человеческие, что Верочка тут же подумала о царевне-лягушке, стреле и прекрасном Иване-царевиче. Жаба куда-то заскакала по террариуму короткими скачками, почти вперевалку, а Верочка заулыбалась и посмотрела на Сергея.

«Надо будет рассказать о жабе всем девочкам из бухгалтерии», – подумала она.

Хотя умеет эта жаба плевать ядом или нет, Верочка так и не узнала.

2. Рита и пилон

Глава, из которой можно узнать о предыдущей девушке Сергея Крылова, которую звали Рита.

А ещё: кое-что о шестовой акробатике и женской неверности.

Она была акробаткой на пилоне.

Пилоны бывают статичными и вращающимися. Последние чаще используются для эстрадных номеров, когда благодаря динамике вращения достигается больший визуальный эффект. Но не надо путать её номер со стриптизом. Рита, в отличие от стриптизёрш, в своём выступлении никак не использовала сексуальность.

И вообще, что бы не представляли себе некоторые, а шестовая акробатика – это очень тяжело. Потому что это разновидность танца на одном или даже на двух пилонах, в котором есть и хореография, и спортивная гимнастика, и акробатика. И всё это – такие эмоции, такой восторг, что передать словами затруднительно! А ещё это ноющие мышцы, синяки по всему телу, особенно в первое время или после перерыва в занятиях, и мозоли на ладонях. Но у Риты хорошо получалось. У неё был даже свой номер. Очень, между прочим, артистическое выступление. Она даже участвовала в нескольких соревнованиях с громкими названиями.

Вот после такого соревнования она и встретила с Сергеем. Она ехала в метро и так победно улыбалась себе, своим мыслям, что он не мог не подойти к ней. Просто не мог, он сам потом сказал. Так они и познакомились.

Спустя время она переехала в его маленькую квартирку, и они стали жить вместе. Потом Сергей купил Рите пилон, хотя стоил он недёшево, но она очень просила. Только поначалу занималась она на пилоне мало, а всё больше ходила мимо, думая, что сейчас – и голова болит, и разминку делать времени нет, и фильм хочется посмотреть интересный. И стоял бедный пилон холодный и одинокий, но только до тех пор, пока у неё не появился Лёшка.

К тому же купил Сергей пилон ей не сразу, чего уж тут, будем говорить честно.

– Зачем тебе пилон в квартиру? – спросил он сначала. – У тебя и так, насколько я понимаю, всё получается. Ты же всё умеешь...

– А я теперь буду всё учить с другого бока. С другой ноги, с другой руки! Для симметрии мышц! Тебе что, блин? Трудно мне пилон купить? Жалко, да? – закричала она.

– Нет, не жалко, – согласился он.

Но как-то плохо согласился, не серьёзно, вроде как отмахнулся просто, чтобы её не обидеть. И тут Рите пришло в голову.

– Серёж... Я для тебя танцевать буду, – сказала она. – Каждый день приватик, представляешь?

И она повернулась к нему спиной и поводила бёдрами. Туда-сюда.

– О-о! А ты можешь ещё так же попкой покрутить? – спросил Сергей.

Вот теперь в его голосе появилась заинтересованность.

– Как? – протяжно переспросила она. – Вот так?

Она опять поводила бёдрами, присела и косо глянула на него через плечо. Одним глазом.

– Нет, не так, – сказал он и подступил к ней вплотную.

– А как? – спросила она уже голосом прилежной школьницы. – Я не знаю... Покажите.

Он положил свои ладони на её бёдра... Две горячие ладони...

В общем, пилон Сергей купил.

А потом Рита встретила Лёшку – инструктора по стрип-пластике. Тот предложил ей дополнительные уроки акробатики, когда Рита похвасталась, что у неё дома есть пилон. Лёшка

обещал научить её экспериментировать под музыку и раскрепощаться на сцене, чтобы хорошо владеть своим телом и не стесняться на сцене.

Она, конечно, сказала Серёжке об индивидуальных занятиях пол-дэнсом.

– Зачем тебе инструктор? – сразу взвился он. – Только не рассказывай мне опять, что шест для тренировки тела упоминался ещё в мифах Древней Греции.

– При чём здесь мифы? – Не поняла она. – Просто с инструктором занятия продуктивнее.

– Да... Но почему с мужчиной? Разве не бывает инструкторов-женщин? – пристал он.

– Почему? Бывает. Но с мужчиной занятия безопаснее. Он нужен для страховки, – ответила она, начиная заводиться. – А вдруг я упаду? Ты что? Ты этого хочешь? Да?

Ей удалось его убедить, только применив свою волшебную ароматическую смесь: 4 капли масла апельсина, 4 капли бергамота и 2 капли пачули, но всё зависит от размера комнаты – чем больше площадь, тем больше капель. И два раза в неделю она стала заниматься с Лёшкой. На тренировки надевала, как всегда, только короткий топ и шорты. Ведь тело для выполнения трюков должно быть максимально открытым для хорошего скольжения и одновременного сцепления с металлом пиллона. И ничего бы не случилось, если бы она в тот раз не упала с шеста.

Делала подъём-переворот и полетела вниз, прямо на голову. Хорошо, Лёшка её поймал. Опомнилась она уже в его объятиях, а он целовал её, целовал... Потом всё ниже и ниже. И она ему отвечала уже совсем голая. В этот день стрип-пластикой или пол-дэнсом они уже не занимались, как и в следующие дни тоже.

Вечером она хотела всё рассказать Серёжке. Честно, хотела! Но не осмелилась. Слов не нашла. А как можно взять и произнести своему парню в глаза: «Я тебе изменила»? И Рита весь вечер ходила вокруг пиллона, делала волны, махи ногами и всё это под забористую музыку, а когда разогрелась, начала делать крутки и ещё что-то сложное. Сергей сидел и смотрел, как заворожённый.

Но с тех пор у них всё пошло наперекосяк – как сглазили. Да и раньше так было.

И раньше она ему говорила:

– Серёж. Ну что ты все вечера сидишь, сидишь у своего монитора? Завис совсем, блин.

А он ей отвечал:

– Рита, я работаю.

– Да что ты там всё работаешь? Что за фигня! Пойдём, потусуемся! – звала она его.

А он не шёл.

Или спрашивала его не раз:

– А почему ты меня с родителями не познакомишь? Они у тебя в Москве?

– Да, – отвечал он. – Только мама – умерла, когда... В общем, когда отец с нею развёлся. А отец... У него сейчас новая семья. Я с ним не общаюсь.

– А братьев или сестёр у тебя нет? – интересовалась она.

– У меня есть два брата. Они старше меня, – нехотя отвечал он.

И всё. И больше он о себе ничего не рассказывал. А потом она к нему совсем остыла: прошла любовь-морковь, в общем. И очень часто, когда Серёжка хотел её, она отнекивалась.

– У меня болит нога, – говорила она и, понимая, что звучит это недостаточно весомо, добавляла: – И ладошки.

И Сергей отвечал ей словами из какого-то фильма:

– Любимая, в этом деле ноги – не главное. Поверь.

Она смеялась. Он сдержанно улыбался.

Рита не знала, что же ей делать и решила поискать в интернете ответы на свои вопросы. Сергея дома не было: он после работы встречался с братом или братьями – какая разница? Но всемирная паутина ей ничем не помогла. Все посты в форумах были такие глупые, такие по-детски незрелые – просто зашибись. «Памагите! – писала с грамматическими ошибками

какая-то чикса. – У меня есть парень, я его люблю, а у него есть друг. Его я тоже люблю... Я не знаю что делать!»

Она тоже хотела что-нибудь написать и попытала вспомнить, чему их учила в школе Баба Маша, которая вконец достала всех своим Достоевским, нафиг. Воспоминания не приходили.

Рите хотелось написать красиво о своей любви к Лёшке, как в той книге, что подарил ей Сергей на день рождения. Там что-то было такое... Такое очень красивое, неземное просто. Зря она эту книжку тогда не дочитала. Где же она лежит?.. Рита обернулась от монитора и, честно стараясь отыскать, поводила глазами по комнате... Да, куда-то она её засунула.

В груди задрожало что-то и забилось тревожным пульсом. Слёзы уже душили её. Ах, господи! Да что же это такое? Ведь она же всё это чувствует! Ведь в глубине души, на сокровенном доньшке её сердца лежат эти чувства!

А сказать не может, блин... Ну, как собака! Просто жуть!

Ей хотелось бы написать, что её любовь сильна и прекрасна, как свет полной луны, освещающей цветущий апельсиновый сад, что она готова целовать следы его ног на земле, что она согласна идти за ним на край света и в дождь, и в снег, и в штормовой ветер, потому что для неё в этом безумном, непредсказуемом, бескрайнем мире всё женское счастье – только с ним, только в нём.

Она хотела, чтобы все поняли, как она страдает и как она любит Лёшку, и какой он классный, но ей не хватало слов. Она искала и нашла ещё какой-то форум. Опять любовный треугольник: мальчик, девочка и её друг Саша.

«Первое время очень совесть мучила, но потом решила всё оставить, как есть. Посмотреть, что из этого выйдет» – писала девочка.

Ей ответили: «Ну и шлюха!» И Рита была с этим согласна. Это точно. Нельзя всё оставлять так, как есть. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Дальше девочке советовали: «Вы пишете, что даже и не думаете морочить им обоим голову, а сами именно этим и занимаетесь. Вы должны сделать выбор, если хотите замуж за кого-нибудь из них».

Если хотите замуж... Ага, вот это уже то, что ей надо! «Какая мудрая девчонка», – подумала Рита и стала читать сообщения дальше.

Дальше «мудрая девчонка» писала: «Ну, или попробуйте во всём признаться своему мальчику и замутить любовь на троих».

На троих-их? Рита опешила и откинулась на спинку кресла. Она глубоко вздохнула, потом выдохнула, успокаивая себя и свои давние воспоминания...

Ну, нет, только не это. Она хочет замуж за Лёшку. Решено. Стопудово!

И Рита рванула на форумы невест. Платья, машины, кольца, подарки...

Самая большая заморочка у невест была с платьями: иные наряды так нравились, что ради них готовы были похудеть. Но опытные девчонки не советовали так рисковать, потому что если не похудеешь, то платье может лопнуть в самый неподходящий момент. И тогда будет фишня, сами понимаете. Хотя если платье сильно мало, но на шнуровке и с открытым верхом, то это – самое отпадное. Такое платье будет красиво обтягивать в нужных местах и приподнимать всё, что нужно. Только садиться надо осторожнее, платье может треснуть по швам... Ага! Надо запомнить!

Стиль самой свадьбы тоже обсуждался усиленно. Фотосессия невесты с домашним питомцем – это по-прежнему круто или уже отстой? Покупать ли готовые кольца или сделать на заказ по своему дизайну? Или лучше будут кольца с отпечатками пальцев жениха и невесты?.. Тут Рита улыбнулась, подумав: «Чтобы не подтибрили!»

И букет невесты: кто-то считал, что лучше будет керамический заказать. Кто-то отговаривал: страшно, ведь может разбиться. Поэтому на форуме все пришли к выводу, что пред-

почтительнее кованный букет невесты – уж этот будет сработан на века. На прикроватную тумбочку потом можно поставить, только не забывай пыль с него убирать... А что? Прикольно!

Платья для подружек не советовали делать чёрными, тёмно-синими, а особенно красными: за красный цвет отвечала планета войны Марс. А вот зелёный цвет – удачный выбор. Светлые оттенки зелёного, оказывается – это цвет Венеры, планеты женственности, благополучия, счастья и удачи... Блин! Как всё сложно, сразу не въедешь!

Свадебным декораторам и их портфолио отводилась целая страница. Обязанные бантами стулья, задрапированные тканью столики с наставленными на них уже готовыми вещами типа подсвечников и ваз, ленточки с бусинками одного или разных цветов обсуждались невестами усиленно... Симпатично, конечно, но брать за это такую кучу бабла! Офигеть!

Но почему-то больше всего обсуждали подарки. Советовали: «На свадьбу можно подарить всё, что угодно. Например, постельное белье, красивые кухонные наборы, бытовую технику. Но лучше подарить деньги – пусть молодожены сами...»

От дверей послышался звук открывающегося замка. Рита охнула, закрыла страницу форума и повернулась к двери в прихожую, стараясь что-нибудь сделать со своим испуганным лицом. Наконец, вроде, у неё выдавилась улыбка.

В комнату медленно, утомлённо входил Сергей.

– Здравствуй, зайчонок, – произнёс он, присмотрелся к ней и спросил настороженно: – Ты плакала?

Во всех своих переживаниях, в том, что происходило с нею, она обвиняла Крылова.

Даже в том, что их свидания с Лёшкой происходили в его квартире – Рита страдала и от этого. Каждый раз, договариваясь с Лёшкой о стрелке, она не находила себе потом места, бегая из угла в угол.

– Это всё Крылов. Это всё из-за него, блин, – твердила она, распаляясь всё больше и больше. – Он сам во всём виноват! Он сам потерял мою любовь!

В чём Крылов виноват, Рита предпочитала не уточнять. Виноват – и всё. Чего тут, типа, не понятного? За любовь надо бороться! Она об этом слышала в телевизоре... С кем бороться и как, Рита не знала. А потом приходил Лёшка, и в его объятиях она забывала обо всём на свете, чувствуя, что она с ним – одна душа, одно тело. А тело у её Лёшки – супер, боевая машина, созданная для любви – а не тело. Просто отпад башки! Когда он медленно шёл к ней в постель со своим штыком, она глядела на него и думала, что бизон – это очень красиво. Или какой другой бык...

А в тот день вообще всё пошло по-дурацки. В тот день Крылов вернулся домой раньше времени – работу он искал, что ли? Крылов вернулся, открыл ключом дверь и сказал ей ликующе:

– Привет, зайчонок!

И увидел.

Лёшка бросился за штанами, а она выскочила из койки и закричала:

– Ты сам во всём виноват! Сам! Сам! Всё! Я от тебя ухожу! Достал!

Крылов молчал. Она начала одеваться и хватать какие-то свои шмотки. Что-то падало у неё из рук, что-то за нею подбирал Лёшка. Наконец, она наткнулась на бумажный пакет и принялась запихивать вещи в него. Лёшка молча помогал. Пакет быстро наполнился, и она остановилась. Лёшка взял у неё пакет и попятился к двери. Она глянула на Крылова, готовая слинять.

– Говоришь, чтобы тренировки были безопаснее? – вдруг сказал тот и брезгливо поморщился. – Секс у тебя получился безопаснее, а не тренировки.

Он смотрел на неё. Лицо его – бледное, чужое. И глаза – серые, незрячие. Прошептал одними губами, как выдохнул:

– Желаю счастья.

– Фак! Да пошёл ты! – крикнула она.

И ушла, хлопнув дверью. Изо всех сил.

3. Никогда не бойся перемен

Глава, из которой можно узнать, что от предательства мужчины страдают не меньше женщины.

А ещё: мотобар, квест и что придумывают некоторые матери, чтобы выдать замуж своих дочерей.

Дверь за Ритой захлопнулась, и стало тихо.

Гораздо тише, чем бывает, когда уходит человек. Крылов стоял и смотрел в пустую прихожую, словно кончилась его жизнь, которая ушла, закрыв за собой дверь так, что только косяки не своротила. С жизнью это случается иногда. Он улыбнулся и, привалившись спиной к стене, опять застыл в оцепенении. К вечеру Рита сумеет убедить себя, что их разрыв произошёл по его вине. Пожалуй, она уже сейчас так думает.

Он закрыл глаза, жалея жизнь, и вдруг захлопал в ладоши, разгоняя тишину. Вскричал: – Вот только не надо себя жалеть! Не надо! Об этом! Думать!

Прислушался. Кажется, тишина уползала прочь на своих мягких, лишённых всякой материальности лапах. По крайней мере, она сделалась не такой тихой, как раньше. Он огляделся в поисках Своей Любимой Книги. Увидел её и бросился к полке. Открыл наугад, ткнул пальцем в страницу и громко, с выражением прочитал: «Никогда не бойся перемен – иначе мечты так и останутся мечтами!»

Он решительно полез на антресоль и вытащил свой чемодан.

– Мы набираем силу, когда освобождаем физическое пространство! – прокричал в лицо тишине, в лицо своей жизни, чтобы они знали, стервы.

Принялся собирать Ритины вещи, которых осталось, конечно же, много. Ходил по комнате, безжалостно сгребал пузырьки, пилочки, щётки, тряпки и швырял в чемодан, стараясь ничего не пропустить. Потом закрыл чемодан, отнёс в прихожую и поставил, придвинув к двери ногой. К самой двери. Вплотную. Рита явится за своими вещами, конечно, и сразу увидит. Вернулся в комнату, глянул на пилон и сказал жёстко:

– А вот пилон я никому не отдам, мать вашу!

Он подтянулся на пилоне до потолка и повис на одной руке. Как бандерлога.

Надо было начинать другую жизнь.

На следующий день на новом месте работы он увидел девушку.

Её везли на офисном кресле по коридору две другие девчонки, наверное, в туалет. Они улыбались, едва сдерживая хохот, вот только самой девушке было не до смеха: она смущалась, краснела, не зная, куда деваться. У неё оказался разорван мениск – серьёзная травма, и он знал, что это такое. Вечером он подвёз девушку с работы домой. Её звали Верочка.

Девушка оказалась тихой, таинственной, похожей на заколдованную принцессу с пепельными, поднятыми вверх волосами и по-детски гордым ртом. Сначала Крылов пожалел её из-за колена, а потом... Он не понял, как это случилось, но потом, когда Верочка немного поправилась, они начали проводить вместе и выходные.

А сначала, спустя неделю на новой работе, его вызвала к себе менеджер по управлению персоналом Елена Михайловна. Крылов ещё во время своего оформления заметил её странный, совсем не профессиональный интерес к себе. Она выпрашивала подробности о нём скорее с житейской стороны: кто его отец и мать, где работают его братья. Крылову стоило большого труда отвечать вдумчиво и следить за своими словами. И вот теперь он сидел у стола кадровички и с удивлением понимал, что та смущается.

– Сергей, хочу признаться, что вы произвели на меня очень благоприятное впечатление, – начала Елена Михайловна издалека.

Крылов склонил голову. А что тут скажешь?

– И у меня есть к вам личная просьба, – сказала она и замолчала.

Крылов опять кивнул, изобразил бровями «я весь внимание» и поощрительно улыбнулся.

Елена Михайловна потупилась и произнесла, наконец:

– У меня есть дочь... Красивая девушка, умная и образованная, но вот в отношениях с молодыми людьми ей не везёт. И я не знаю, в чём тут дело. И, как мать, беспокоюсь. Вы понимаете меня?

– Безусловно, Елена Михайловна, – поощрил её Крылов, хотя не понимал совершенно, к чему она клонит.

– А клоню я вот к чему, – продолжила объяснения та, словно читая его мысли. – Не могли бы вы сходить с моей дочерью в театр? И рассказать мне о том, какое она произвела на вас впечатление? Для меня это так важно! Я совершенно не знаю, что она за человек. Может, она молодым людям не интересна?

Видимо, разглядев удивление в его глазах, Елена Михайловна поспешно вскричала, поднимая холёные белые руки в успокаивающем жесте:

– Билеты я куплю!

– Но дело не в билетах, разумеется, Елена Михайловна, – произнёс Крылов и спросил с улыбкой: – А что подумает об этом ваша дочь?

– О, не беспокойтесь. Это я беру на себя! – На немолодом ухоженном лице кадровички читалось искреннее страдание.

И Крылов дал согласие, хотя в душе, конечно же, осознавал, что Елена Михайловна не так проста, как хочет выглядеть. Но ему было всё равно, с кем и куда идти. Лишь бы не проводить одному ещё один тихий вечер в своей опустевшей квартире.

Как в склепе.

На выходные из своего Замкадья приехал Цыган, лучший друг, прозванный так ещё девчонками в институте за чёрные кудри, брови с изломом и лихую удаль.

Цыган пристально посмотрел на него с порога и сказал:

– Э, брат. Да ты совсем квелый.

– Худо мне, Мишка, – согласился Крылов. – Меня словно заговорили-заморочили.

– Тогда я, как твой лечащий врач, прописываю тебе курс чувственных удовольствий, – объявил Цыган.

Крылов неясно улыбнулся.

– И никаких мне, пожалуйста, эдаких улыбочек, – заявил Цыган. – Поедем кутить! По-нашему. По-гусарски...

– Я согласен, – ответил Крылов и, посмотрев на второй, пассажирский шлем, сиротливо лежащий на полке в прихожей, добавил: – Я тебе дам свою старую мотокуртку и наколенники.

Цыган кивнул и наставительно произнёс, поднимая указательный палец:

– Запомните, корнет! Иногда чёрная полоса в жизни становится полосой взлётной...

Они оделись и поехали на мотоцикле Крылова. На выходные Москву покинули дачники, убравшись с улиц огромной урчащей змеей автомобильных пробок, и город зиял пустотой, прозрачен и светел. Старенький китайский байк под их тяжестью ехал медленно, натужно, и они могли всю наслаждаться полупустынным городом, который принадлежал сейчас только им.

По Москве разлеглась золотая осень. Казалось, что она раскинулась основательно и надолго и не уйдёт никогда, и никогда не исчезнет из города её высокое синее небо, и её щемящее тёплое солнце, и вовек не сойдёт эта блеклая жёлтая краска с принадлежащих ей деревьев.

Новинский бульвар сразу же окружил их каменной гостиничной и жилой громадой. Смоленская-Сенная площадь подавила напыщенной и важной высотой здания МИДа, но уже приближалась логическим завершением Большой Дорогомиловской улицы набережная Тараса Шевченко... Река-Москва сверкала тёмным, осыпавшимся серебром и множественным отражением урбанистически небоскрёбных шпилей. Мост Багратион изо всех своих сил старался удержать собой расходящиеся, уползающие в стороны речные берега. Бульвар Украинский дымился цветами, утренней свежестью и запахом дождя. Прямолинейный Кутузовский проспект с проёмом Триумфальной арки тек широко, щедро и по-хозяйски снисходительно.

Скоро эта поездка по осенней Москве стала казаться нереальной, но Крылова начал беспокоить мотоцикл: левое перо вновь потекло. На скорость это не влияло, но было обидно. Он свернул к любимому мотобару – осмотреться, да и перекусить, время наступало обеденное.

Возле мотобара бестолково крутился парень – на его новом «тигре» пропала зарядка. Крылов улыбнулся: всё в мире относительно. Иногда старый китайский байк лучше «свежего» британца.

Они с Цыганом помогли парню растолкаться, и он уехал.

В баре «Ночные Пингвины», как и во всех мотобарах мира в такое время, было тихо, малоллюдно и совсем не воняло, как в пиратских тавернах, жареной рыбой, кислым дрянным вином, сальными свечами и сигарным дымом.

Здесь, даже наоборот, работал кондиционер. Музыка играла тихо – невнятная и бесстильная, как музыка в Макдональдсе. За стойкой сегодня работал бармен Короед. Он приветствовал вошедших радостным возгласом: «Салют, Серёга! Располагайтесь, парни!»

Они сели за крайний стол: столы здесь стояли длинные, явно рассчитанные на большие компании. Крылов покосился на Цыгана. На его демонически-красивом лице застыло видимое безразличие, но Крылов знал по опыту, что тот уже сделал выводы, незаметно рассмотрев всех посетительниц, если они присутствовали, или разглядывая их в данную минуту.

Он угадал. Скоро Цыган спросил тихо, не поднимая глаз:

– А почему здесь все девчонки такие страшные? Это что? Красивые мотоспортом не увлекаются, что ли?

– Почему страшные? – удивился Крылов. – Вон – две девочки в явном качестве... Сзади.

Цыган обернулся. Крылов оценивающе поглядел на друга. Цыгану шла мотокуртка, делающая его и без того широкие плечи ещё объёмнее. Отросшие чёрные волосы рассыпались у него по шее тугими кольцами. Цыган многозначительно улыбнулся Крылову, залихватски взъерошил обеими руками примятые шлемом волосы на лбу и поднялся – высокий, поджарый.

Крылов тоже поднялся, чтобы перекинуться парой слов с Короедом. Через минуту Крылов оглянулся на Цыгана и понял, что тот решительно не знает, как выйти из неловкого положения – он стоял возле девчонок с удивительно смятым лицом. Крылов крикнул ему через зал:

– Мишка, ты нам нужен! Быстрей!

Цыган чуть ли не галопом бросился к барной стойке, постоял секунду ошалело и сказал Крылову лихо, одновременно косясь на бармена чёрным глазом:

– В жизни всё относительно, мать твою! Если в одном месте тебя послали – то в другом просто заждались!

Бармен захохотал и протянул Цыгану через стойку густо татуированную руку.

– Дай пять, брателло, – сказал бармен довольным баском. – Это прекрасная мировоззренческая позиция. Я закажу постер с этими словами и повешу его здесь на видном месте... Чтобы все парни знали и помнили.

Принесли еду, и они вернулись за свой стол. Ели молча: Цыган всё не мог оправиться от недавнего конфуза, а Крылов думал о женской сущности, неприметно поглядывая на девчонок,

которые отшили Цыгана. Что удивительно, те тоже косились на них исподтишка, а на лице одной даже читалось плохо скрываемое сожаление.

Минут через сорок в заведение ввалилась целая толпа байкеров – все в крутом экипе, ну, просто «реальные кабаны». Они направились к тем самым девчонкам. Раздались приветственные вопли и поцелуи.

– Так вот почему они меня отшили, – довольно пробормотал Цыган, откидываясь на спинку стула. – А я-то распереживался. Ха!

Цыган явно приободрился, он оживал на глазах. И тут Крылов увидел, что к ним направляется парочка «реальных кабанов» – оба высокие, молодые, а в своей защите – мощные и непробиваемые. Глаза их были сощурены, а подбородки закаменели и выдвинулись вперёд. Крылов не стал дожидаться начала драки. Он опрокинул свой стул, схватился за две верхние ножки и, наступив на нижние, рванул стул на себя. Скоро он уже стоял с двумя тяжёлыми ножками в позиции для боя. Цыган тоже вскочил и застыл рядом с Крыловым, готовый прикрывать его спину.

Байкеры растерялись, они не ожидали такой быстрой и однозначной реакции. Тут им закричали из их компании:

– Мужики, мы уходим! Время поджигает!

Толпа байкеров вместе с девчонками двинулась к выходу. «Реальные кабаны» глянули в последний раз на Крылова и Цыгана, что-то невнятно буркнули и пошли догонять своих.

Цыган шумно и облегчённо выдохнул. Хохотнул:

– А я уже хотел кричать: «Пионеры наших бьют!»

Крылов в ответ растянул губы в неясной улыбке и направился к барной стойке. Сказал бармену виновато, доставая деньги:

– Прости, Короед. Я опять развалил у тебя стул. Вот возьми. И за стул, и за еду...

– Да ладно! Хорошо, что дело до драки не дошло. Видел я, как ты владеешь боем с двумя палками, – ответил бармен, взял деньги и спросил, ухмыляясь: – И где ты так наострился наносить скоростные удары?

Цыган опередил Крылова.

– Ясен пень, где, – делая круглые глаза, воскликнул он. – Конечно же, в монастыре Шао-линя. Честное буддистское!

– Пойдём, – позвал его Крылов. – У нас с тобой ещё квест сегодня.

Крылов шёл вниз по четырёхмаршевой лестнице позади Цыгана, который первым, как всегда, впрочем, бесстрашно бросился вперёд.

Лестница едва освещалась. Ступени маршей были каменные, неровные, стёртые подошвами тысяч и тысяч людей, когда-то по ним ходивших. Тяжёлый воздух здесь поражал сыростью и тленом, от осклизлых стен пахло плесенью, и откуда-то снизу тянуло просто могильным холодом. Звуки его шагов медленно и гулко растворялись в тишине. Крылов остановился, держась за стену рукой, почему-то поднял глаза и посмотрел вверх. На какое-то мгновение ему показалось, что где-то там, на недосягаемой высоте неясно плавилась закатным светом узкие витражные стекла. Потом они погасли, и наступила сумеречная темнота, и в этом полумраке, внизу, едва слышался шелест шагов Цыгана, продолжавшего спускаться всё так же быстро.

«Запросто шею сломишь, такая темнотища на этом квесте», – подумал Крылов, уже собираясь окликнуть Цыгана.

И тут снизу заструился свет, обозначивший, впрочем, довольно явственно самые нижние лестничные марши. Крылов заторопился и прибавил шаг. Он шёл всё быстрее и быстрее, надеясь догнать Цыгана, но того всё не было, как черепахи в одной из апорий Зенона. Лестница кончилась и перешла в длинный, освещённый только у самого пола коридор, и через какое-то

время Крылов уже почти бежал, гнался за Цыганом изо всех сил, временами останавливаясь, чтобы взглянуть в сумрак и прислушаться.

В коридоре вокруг него было полно невидимых людей, которые шаркали ногами, кашляли и смеялись, переговариваясь. Какие-то двери со скрипом открывались и закрывались, совсем рядом кто-то звал кого-то, кто-то окликал Крылова, но когда он оборачивался, то никого не видел. Потом впереди раздалось шлёпанье босых ножек, и отчаянный детский голос стал звать: «Мама! Мама!»

Крылов рванулся вперёд, но неожиданно свет погас, и по его лицу словно мазнуло чем-то мокрым и тёплым. Тяжело запахло кровью или железом, свежим, как в механическом цехе.

Он брезгливо вытерся рукой, и тут вдруг справа от него со скрипом растворилась дверь, и в самой глубине приоткрывшегося пространства забрезжило утренним светом, и словно неясные тени заколыхались в этом пространстве, у самого пола. Он шагнул внутрь. Дверь за ним тут же захлопнулась с громким треском. Крылов обернулся и дёрнул дверную ручку, потом дёрнул ещё раз, потом со странным шуршанием выбежал на середину залы и лихорадочно закрутился, оглядываясь в испуге.

Зала была высокая и узкая, ребра сводов её терялись во тьме где-то высоко над головой. Каменный пол залы устилал сухой камыш, который и шуршал громко, отчётливо при каждом его шаге. Мертвенный свет шёл непонятно откуда.

На одной стене висели гобелены с изображениями странных битв: кто-то мчался на лошадях, кого-то преследовали, развевались боевые стяги. По другой стене, между высокими стрельчатыми окнами, помещались луки, копья и щиты. Огонь пылал в резном каменном камине, таком огромном, что, казалось, в нём можно было зажарить быка. Вдоль стен виднелись покрытые коврами скамьи.

В конце залы стоял огромный стол. На нём что-то лежало, вытянутое, длинное, накрытое, словно с головой, заскорузлыми тряпками с неприятными на вид коричневатыми пятнами. Подходить к столу совсем не хотелось. Крылов опять заозирался и только тут увидел ещё одну дверь. Он бросился к ней, потянул на себя, надсадно, с усилием распахивая тяжёлую, дубовую, резную, невероятную её ширь и замер в оцепенении...

Проёма не было. Кирпичная стена с неаккуратными потёками свежего строительного раствора преграждала ему путь.

– Твою мать! – выругался Крылов и испуганно отпрянул от стены, не представляя, что делать дальше.

Тут послышалась приглушённая трель звонка, и в зале вспыхнул яркий электрический свет. Какая-то смуглая женщина заглянула к нему, потом вошла и сердито спросила:

– Молодой человек, вы как сюда попали? Этот зал ещё только готовится к экспозиции. Здесь работают декораторы...

Когда Крылов вышел на улицу, Цыган ждал его перед входом, обнимая за плечи, справа и слева, двух колоритных блондинок.

– Ты чего так долго? – спросил Цыган и сделал к нему шаг, увлекая за собой девушек. – Мы тут тебя уже заждались... Познакомься. Настя и Оля.

Девушки заулыбались Крылову. Одна сказала удивлённо:

– Ой! Кажется, у вас кровь на щеке.

Вторая повернула голову к Цыгану и произнесла с сожалением, продолжая прерванный разговор:

– Обидно, что нам в этом квесте не удалось спасти малыша.

– Зато перед вами теперь мы – два малыша и оба мужского пола. И вы можете спасти нас, – сказал Цыган, притягивая девушек к себе.

Те многозначительно захохотали.

Название спектакля прекрасно отражало суть происходящего на сцене.

А на сцене шёл водевиль – самый излюбленный в России первой половины XIX века жанр с незамысловатым сюжетом, с романсами и куплетами, лихо закрученной интригой и танцами между действиями.

Рассказ шёл о сватовстве молодого человека, готового влюбляться с полуслова и полувзгляда в каждую привлекательную молодую девицу. И не просто влюбляться – а ещё тут же готового жениться на оной. Молодых девиц в спектакле было три, а ещё в сюжете присутствовали две дамы – матери девушек и богатый коннозаводчик – отец молодого человека. Героям приходилось выбирать между правдой и ложью, подлостью и благородством и решать вопрос о цене любви и денег. А уж там, где заходит речь о богатстве, у некоторых матерей, да и отцов тоже, применимы все хитрости и уловки, какие только существуют на свете.

Крылов встретился с дочерью кадровички Елены Михайловны у метро. Девушку звали Ирина. Выглядела она прекрасно – хорошенькая, изящная и со вкусом одетая. Крылов преподнёс ей розу в знак уважения. До театра дошли быстро: он уверенно вёл девушку за собой в уличной толпе, та ему что-то пыталась говорить в спину. В буфете она опять всё порывалась ему что-то рассказать в подробностях, но было тесно от зрителей, шумно и неловко разговаривать. Крылов слушал Ирину и вежливо улыбался.

Публика в зале состояла в основном из женщин зрелого возраста, которые, рассаживаясь дружными компаниями, занимали чуть ли не половину ряда. Что компании этих «театральных дам» состояли сплошь из подруг и знакомых, Крылов убедился сразу, в начале спектакля. Не успела на сцену между танцующим кордебалетом выбежать одна из главных героинь, как дамы зашуршали пакетиками, угощая друг друга принесёнными из дома яствами. Шуршали они громко. И так же громко переговаривались, расхваливая своё угощение.

– Я слышала, что в Петербурге ценится скромность. Интересно: кем и как дорого? – говорила юная героиня на сцене.

– Маш, попробуй моих котлеточек, – бубнила за спиной Крылова театральная дама своей подруге. – И передай Юле.

– Папенька! Обними меня! Я влюбился! – восторженно кричал со сцены в зал нежносердечный юноша.

– Попроси мне огурчика, – шептала своей соседке любительница театра впереди Крылова.

Насыщались они долго. Крылов пробовал с упрёком оглядываться на женщин, вздыхал с нарочито удручённым видом и даже делал им замечания. Дамы не сдавались. Они ели до тех пор, пока всё, видимо, не съели.

В антракте Ирина делилась с ним впечатлением от спектакля. Наверное, впечатления были яркие, потому что девушка радостно смеялась после каждой фразы. У Крылова уже трещала голова и от её смеха, и от музыки, и от шуршания пакетов театралок. Он злился, но успокаивал себя тем, что Ирина возбуждена театром или даже знакомством с ним. Это льстило. Крылов улыбался, что-то ей отвечая.

Во втором акте театралки больше не ели – наверное, еда кончилась. Но теперь от них пахло неприятно и резко, как застарелыми кремами: или в переполненном зале стало жарко, или в антракте они совместно, всем коллективом, надушились чем-то. К тому же одна вытащила телефон и заговорила, подробно о чём-то рассказывая. Те, кому не позвонили, принялись разговаривать друг с другом.

А на сцене разворачивалась интрига, весёлая, непринуждённая. Пылкий юноша влюблялся то в одну девицу, то в другую. Крылов подумал, что ему не хватает вот такой лёгкости в жизни. Наверное, так и надо... Вскружила тебе голову одна, потом ты переключился на другую. Затем на третью... Ведь в водевиле герои, если грустят, то недолго, если ссорятся – так исключительно для того, чтобы тут же помириться, а женятся – сразу и по любви. И не надо

страдать, как страдает он, и не надо мучиться, просыпаться ночами и крутиться на постели без сна в ожидании сигнала будильника. И, наверное, только в водевиле искреннее, настоящее чувство всегда преодолевает все препятствия.

«Всё! Решено! – подумал Крылов. – Я теперь буду жить, как в водевиле!» Он уже радовался, что согласился на эту авантюру с театром. Театр – это супер!

Так он и сказал Елене Михайловне на следующее утро, когда та подошла к нему на работе:

– Театр – это всегда прекрасно. А водевиль – просто школа жизни...

– А как вам показалась моя дочь? – спросила кадровичка настороженно, явно робея.

– Ирина – хорошенькая девушка, весёлая и умная. С нею есть, о чём поговорить, – ответил он честно.

– Я могу взять вам билеты в другой театр, – сказала кадровичка, уже довольно улыбаясь.

– Ну, Елена Михайловна, – прервал её Крылов. – Теперь мы с Ирой сами как-нибудь. Мы обменялись телефонами.

И он ещё встретился с Ириной, потом они созванивались, разговаривая долго, и Крылов понял, что с девушкой общаться невозможно: она очень много говорила. Нет, она хорошо говорила, остроумно, весело, но она это делала беспрестанно, не слушая его, не слушая себя, и даже себя прерывая смехом – взрывным, счастливым, радостным. Вставить свой ответ в её поток слов просто не представлялось возможности. Да он уже и не стремился к этому. Он только смотрел на неё, улыбался и думал, как замечательно иметь подругу, которой интересны твои ответы... И которая разговаривает для того, чтобы послушать его.

Но он сделал попытку и пригласил Ирину к себе, ещё у двери закрыв ей рот поцелуем. Целовал долго, работая языком и руками. И даже ногами, оглаживая её бедра снаружи и изнутри... Набрал быстро воздух и в то же мгновение начал целовать её снова. Отпустил, посмотрел пьяными от страсти глазами на неё – смятую, придушенную, ошеломлённую – и повлёк к кровати, подхватив на руки.

Сначала она притихла, потом произнесла, с хриплым смешком:

– Одними поцелуями ты не отделаешься.

Да он и не собирался останавливаться на поцелуях. Он был готов порвать, раздавить, втиснуться, влезть языком, руками, коленями и всем телом в её сладкую мякоть, в её нежно взлелеянную сердцевину. Он был счастлив вобраться в неё полностью и умереть там, сойдя с ума после мучительной судороги оргазма... Так он и сделал. И не раз сделал, не давая ей передышки, решив для себя: пусть она лучше стонет, чем говорит. А когда он всё-таки остановился – она опять заговорила. Он даже не понял – о чём.

Пообщавшись вот так мучительно с Ириной, звонить ей и встречаться с нею он перестал. И прекратил отвечать вежливыми и неловкими улыбками на вопросительные взгляды её матери-менеджера по персоналу. И скоро та от него отстала, и Крылов вздохнул спокойно.

Но тогда он ещё не знал, какую роковую роль сыграет Елена Михайловна в его дальнейшей жизни.

4. Шёл трамвай десятый номер

Глава, в которой мы узнаем, что социальные сети – не всегда благо.

А ещё: кое-что о голливудских фильмах и о том, что в некоторых кафе очень даже подходящие и чистые туалеты.

*Шел трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
В нем сидело и стояло
Сто пятнадцать человек.*

*Люди входят и выходят,
Продвигаются вперед.
Пионеру Николаю
Ехать очень хорошо.*

Сергей Михалков «Одна рифма»

Недели за две до Нового года Крылов опять затосковал.

Он открыл Свою Любимую Книгу, ткнул наугад пальцем и прочитал: «Человека делают счастливым три вещи – любовь, интересная работа и возможность путешествовать».

– Ага, – сказал он, стараясь произнести это слово, как можно значительнее.

Подумал немного и повторил уже с другой, задумчивой интонацией:

– Ага!

Интересная работа у него имелась. Любовь... Ну, любовь – это категория неуловимая. Тут Крылов почему-то вспомнил, что они с Верочкой договорились пойти в кино и заулыбался. А вот возможность путешествовать... Так-так. Отпуск ему ещё не положен, но впереди Новый год. Ага!

Тут он вздохнул, поднял брови и громко произнёс:

– А вот некоторых людей я непременно оставлю в старом году! Это уж обязательно.

Он сел к монитору и вбил в поисковой строке: «В Таиланд – дешево». Скоро он всё узнал: что можно полететь в Таиланд даже через Европу, что перелёт через Малайзию, Сингапур и другие страны позволяет сэкономить на билетах, что лучшая возможность слетать на Новый год дешевле – это вылететь намного ранее конца декабря и прочее. С кем он полетит, он, конечно, ещё не знал. Может быть, и один. А вот с кем он поговорит о Таиланде в первую очередь, он знал совершенно точно – конечно же, с Верочкой.

И он поговорил. И, разумеется, она сразу же смутилась.

– Мы будем жить в разных номерах, – заверил он её, для убедительности приложив обе руки к груди, потом добавил с улыбкой: – Можно даже в разных отелях.

Верочка подавила смешок и вдруг посмотрела на него прозрачными русалочьими глазами – зелёными, таинственными и глубокими, как лесные озёра, в которых отражаются кроны деревьев. Он смотрел в эти озёра, и голова его закружилась и от запаха летних трав, и от стрекотания кузнечиков, и от нагретой солнцем древесной прели... Закричала кукушка. Она закуковала громко, неистово, и он тряхнул головой, прогоняя это наваждение. Подумал: «Колдовство какое-то».

Спросил, уговаривая Верочку, которая смотрела на него уже с удивлением:

– Ты никогда не думала, что могло бы случиться в твоей жизни, начни ты свой день не с кофе, а с шампанского?

– С шампанского? – повторила она и вдруг лукаво скосила глаза в потолок. – Нет, не думала. Но, наверное, это здорово! Давай попробуем!

Тут раздался сигнал начала сеанса, и они прошли в зал.

На экране творилось всё то, что обычно и происходит во всех голливудских фильмах.

Главный герой, конечно же, американец, прилетел в экзотическую страну и с первых же кадров стал страдать от любви к родине. Он демонстративно, с шумными вздохами, мечтал о гамбургере, кетчупе и диетической кока-коле, снисходительно поглядывая на все блюда чужой национальной кухни. Американец был высокий, стройный и физически накачанный, как и полагается каждому археологу. Ведь эта наука – занятие исключительно для авантюристов, призванных расхищать гробницы и убегать по древним развалинам от не совсем ещё мёртвых мумий. Смертельные ловушки археолог-американец преодолевал одним прыжком, стреляя в полёте по мумиям из стозарядного револьвера.

За теми же самыми сокровищами в начале фильма охотился и англичанин, худой, чопорный и немного смешной. Он, как и полагается джентльмену, никогда не расставался с галстуком, надевая его даже в душ. Он менял галстуки в каждом кадре – их у него имелось много, целый чемодан. Потом англичанин подружился с американцем, и они объединились против общего врага-конкурента – злого японца-якудза.

У злого японца-якудза было лицо прирождённого убийцы. Он носил чёрные шёлковые сорочки и чёрный кожаный плащ даже в жару. По ходу фильма он неназойливо демонстрировал зрителям татуированные руки, плечи, спину, ноги и грудь. Ему постоянно снились кошмары и, просыпаясь, он резко садился и начинал тяжело дышать. Ближе к финалу фильма он с портативного компьютера перевёл из банка себе на Каймановы острова несколько миллионов долларов. И они, упакованные в плотные банковские пачки, прибыли незамедлительно в двух огромных чемоданах.

Американец по ходу сюжета тоже обнажал свои мощные бицепсы, для этого крокодил у его клетчатой ковбойской рубашки оторвал рукава – сначала один, потом второй. Героиня, возлюбленная американца, нахлёстывала в это время крокодила веточкой, надеясь отпугнуть. Она начинала погоню за сокровищами в широких брюках, но они в ходе скитаний по джунглям превратились в очень даже сексуальные шорты. В начале фильма она яро ненавидела американца, отдавая предпочтение англичанину. Потом тот надоел ей своими постоянными разговорами о погоде, и её чувства поменялись полностью.

Когда очередной крокодил принялся отрывать американцу ещё и брючину, Верочка затряслась от беззвучного смеха. И тут она почувствовала на своей руке руку Сергея.

– Не бойся, я с тобой, – прошептал он, успокаивая. – Всё будет хорошо.

Верочка замерла, затаив дыхание. Сердце её забилося, готовое разорваться или выскочить из груди. Она скосила глаза и чуть повернула голову: лицо Сергея освещалось светом с экрана, на который он смотрел, не отрываясь. Верочка подумала, что такой красиво очерченный профиль с волевым подбородком она видела у древнеримских статуй. Но фильм уже подходил к концу, и Сергей убрал руку.

В финале, как всегда в американских фильмах, один из чемоданов японца с деньгами полетел в пропасть с огромной высоты. В полёте закрытый на кодовый замок чемодан как-то распахнулся, наверное, ветром. Банковские упаковки в чемодане каким-то образом разорвались все до одной, наверное, тоже порывом ветра, и кредитки долго падали вниз, прихотливо кружась и порхая в воздухе. Но самое главное: в ходе приключений англичанин сумел незаметно завладеть вторым чемоданом с миллионами, подсунув японцу похожий чемодан со своими галстуками. Японец об этом так и не узнал, что явно намекало на продолжение этой истории.

Когда они встали и пошли на выход, Сергей сказал с усмешкой:

– Наверное, это великая американская мечта: порхающие в воздухе миллионы. Я вижу это в каждом почти фильме.

– Да ладно, – ответила Верочка. – Хороший фильм. Есть над чем посмеяться.

Крылов встретился с блондинкой Олей в кафе, где они несколько раз уже ели, чтобы не тратить драгоценное время на приготовление еды у него дома.

Но увидев каменное лицо девушки, он сказал себе: «Сегодня секса не будет». И угадал. Когда они сделали заказ, Оля выдала:

– Моя подруга Светка видела тебя в кино с какой-то девчонкой.

– Меня? В кино? С девчонкой? – удивлённо произнёс Крылов и подумал: «Ты хотел водевиль – получай».

– Да, – подтвердила Оля и отвернулась.

– Твоя подруга видела? – опять переспросил Крылов, чтобы выгадать время: теперь он понял, что Москва – очень маленький город.

Оля молчала. Он спросил:

– А откуда твоя подруга меня знает?

– Я показывала ей твою страницу в Фейсбуке, – ответила Оля.

«Твою-то мать. Надо удалить страницу к чертям собачьим», – подумал Крылов и сказал вслух:

– Ну... Прямо так уж она меня и запомнила?

– Представь себе. У тебя очень запоминающаяся внешность, – пошла в наступление Оля и вскричала запальчиво: – Светка сразу выдала, что ты – балдёжный, а в очках «Авиатор» похож на голливудского актёра!

Тут Оля внезапно замолчала, потом промямлила, явно оправдываясь:

– Ну, ей так показалось... Она вообще – излишне тащится от всех всегда.

Слова прозвучали неубедительно, скованно, и Крылов понял, что Оля уже жалеет, что выболтала ему о том впечатлении, которое он производит на её подруг.

– Я ходил в кино с сестрой, – наконец, сообщил он, а про себя запел: «Ах, водевиль, водевиль, водевиль».

– Ну, конечно. Все так и говорят всегда – с сестрой, – согласилась она и добавила, сощурив глаза: – Ты говорил, что у тебя только братья есть.

– А я не знал, что у меня есть сестра, – выдавил Крылов и подумал: «Боже, что я несу!»

– Не знал о сестре? – переспросила Оля и откинулась на спинку стула.

– Да, не знал. Потому, что она двоюродная, – выпалил Крылов и перешёл в наступление: – Вот ты, например? Всех своих двоюродных знаешь?

Оля наморщила лоб и задумалась. Крылов решил закрепить успех.

– Ну, и что твоя Светка сообщила? – спросил он насмешливо. – И что я с этой девушкой в кино делал?

– Ничего не делал, – нехотя согласилась Оля. – Светка сказала, что вы даже за руки не держались. И цветов у этой девушки не было.

«Чёрт! Надо обязательно подарить Верочке цветы», – подумал Крылов и вскричал:

– Ну, вот видишь!

– Ничего я не вижу, – проворчала Оля и вдруг добавила с вызовом: – И своих цветов я тоже что-то не наблюдаю.

– О! – виновато протянул Крылов и закрутил головой, демонстративно оглядываясь. – Прости меня! Твои цветы я забыл в машине!

– Забыл в машине, – многозначительно повторила Оля и обречённо улыбнулась.

Тут официантка принесла их заказ, и Крылов попросил жалобно:

– Давай спокойно поедем, а? Так есть хочется!

Оля взяла вилку и принялась задумчиво разматывать её из бумажной салфетки. Крылов поглядывал на девушку: её лицо по-прежнему не предвещало ничего хорошего. «Что-то плохо у меня получается жить, как в водевиле», – подумал он и придвинул свою тарелку.

Ели они молча. Сергей думал, что в водевиле герой сейчас спел бы страстный романс со слезою в голосе и тут же переключился бы на другую героиню, чтобы петь с нею смешные куплеты. У него так не получается почему-то. Оля тоже ничего не говорила, а под конец проворчала, как отрезала:

– Я поеду домой.

Крылов безропотно ответил:

– Хорошо. Я тебя провожу. Кофе хоть выпей...

Кофе пили тоже молча. Отодвинув пустую чашку, Оля сказала, что она идёт в туалет, и стала спускаться вниз по лестнице. Крылов помахал официантке деньгами, положил их на стол и тоже рванул вниз по лестнице к туалетным комнатам.

Их в этом кафе было две, и находились они в отдельном тамбуре. Одна туалетная оказалась свободна. Рядом с дверью во вторую Крылов встал, поджидая Олю. Когда она открыла дверь, он шагнул внутрь, к ней навстречу, стиснул потрясённую девушку в объятиях и, подавив её вскрик поцелуем, пинком ноги закрыл дверь за собой. Нашупав щеколду одной рукой, кое-как закрылся.

Когда кончился воздух в лёгких, он оторвался от её рта и зашептал, предупреждая готовящийся вскрик:

– Тише, тише... Ты что? Хочешь, чтобы нас услышали?

Она глухо застонала, а он уже лихорадочно шарил по ней руками, расстёгивал пуговицы, тянул колготки, гладил и нежил, и вбирал в ладонь, и елозил по тёплой, сокровенной влаге – он стал сторуким всеильным индийским богом... И она, побеждённая, парализованная, сложенная его пылким неистовством, уже достала, уже надорвала блестящий квадратик ловкими трясущимися пальцами, и скоро он, прижимая к себе до хруста каждый мягкий изгиб её тела, заскользил по шелковистому лоску его естества в быстром, яростном, смятенном, оголтелом любовном акте...

Из туалета они выскочили пристыженные, но незамеченные. В машине Крылов прохрипел горлом, всё ещё сдавленным животным спазмом:

– Прости! Я от тебя теряю голову.

Кашлянул, прочищая горло. Покосился быстро, краем глаза – как она реагирует. Завёл мотор и спросил, уже не глядя:

– Куда тебя отвезти? Домой или ко мне?

– К тебе, – ответила она низким, довольным, бабьим голосом.

Крылов медленно тронулся с места, гадая про себя, вспомнит ли Оля о цветах, которые он не купил, или не вспомнит.

На обратной дороге, когда Сергей отвозил её домой, Оля тоже не спрашивала о цветах.

Она, конечно, поняла, что он солгал ей и что ничего он не купил, никаких цветов. Но она не обиделась. Во-первых, он и не должен ей каждый раз дарить цветы – это глупо и дорого, в конце концов. А во-вторых, было приятно, что он хотя бы оправдывается. А если мужик это делает, значит, он не хочет потерять её, значит, он не готов к разрыву.

Она тоже не хотела расставаться с Сергеем. Во-первых, потому, что он ей нравился, а во-вторых, потому, что ей надоело ехать по жизни, как в трамвае. По бульварному кольцу. Когда тыходишь на одной остановке к мужчине и, проехав какое-то время в его койке, вылетаешь на другой остановке, даже не понимая, за что вылетела. Но ведь когда-то это должно кончиться? Когда-нибудь ей попадётся парень, который поймёт, наконец, что она, именно она послана ему небесами? И Оля каждый раз ждала этого и надеялась.

В тот день, когда они с Настей только познакомились с Михаилом и Сергеем на квесте, они никуда не поехали с ними, ни на какую их квартиру. Во-первых – вот ещё? А во-вторых, она, да и Настя тоже, просто не определилась, кто из этих двоих ей нравится больше – оба были просто супер. Один – брюнет с цыганскими кудрями, второй – тёмный блондин с короткой стрижкой. И она с Настей решила подождать, чтобы мужики сами позвонили и выбрали.

И хорошо погуляв в тот вечер с ними по городу, посидев потом в недорогом кафе, где они с Настей, разумеется, заплатили за себя по счёту, они с ребятами попрощались. Но те в скором времени отзвонились: Мишка позвонил Насте, а Сергей обрадовал звонком её. Вот тогда она уже приехала к нему домой. И увидела в квартире шест.

– А это что? – спросила она больше для того, чтобы иметь тему разговора.

– Это? – переспросил Сергей удивлённо и тут же ответил, гордо поднимая подбородок: – Пилон.

– Пило-он, – протянула она удивлённо. – А зачем он тебе?

– Ну... – Сергей явно не знал, что сказать и, наконец, нашёлся: – Для поддержки потолка. Перекрытия в этом доме сейчас в аварийном состоянии.

Она не отставала:

– А почему рядом зеркало?

Сергей нахмурился от мыслительного усердия, почесал согнутым пальцем нос и сказал, выдохнув огорчённо:

– Понятия не имею.

И посмотрел на неё честными-честными глазами.

То, что произошло у них дальше, в романах принято называть «вершиной блаженства» или как-то так. Но ничего подобного тогда не случилось: им было неловко, особенно ей. Но и Сергей, не смотря на облик заправского мачо, смущался тоже, хоть и старался не показывать вида. И это его смущение понравилось ей – безгранично. Оно, это смущение, сразило её наповал.

«Милый, какой же он милый», – в смятении думала она потом все последующие дни. Она была очарована, и вдруг, пожалуйста – эта его «сестра».

«Он спит с нею, спит! Уж эта сестрица своего не упустит! Конечно, и никто не упустит такого красавчика! И зачем ему в квартире шест? Ясное дело – оргии устраивать. Не иначе, как эта сестрица им вдвоём с Мишкой показывает у пилон стриптиз!» – думала Оля.

И в её мыслях, в её представлениях бедный, ни в чём не повинный пилон сразу занял своё логическое место. А то, что Сергей смущался при первом их свидании – так это всё было разыграно от начала и до конца. Не может такой мужик смущаться! Не может!

И через несколько дней после примирения в кафе Оля подкараулила Сергея возле его работы. И увидела, как он выходит из дверей с какой-то девчонкой, по описанию похожей на «сестру», и помогает той сесть в машину. «Мне-то никогда дверь не открывал», – ахнув, зло подумала она. А в довершении всего Оля на следующий день дождалась Сергея возле его дома. Тот шёл уже со стильной брюнеткой, и они весело, увлечённо говорили о чём-то. Оля спряталась за соседний подъезд, и Сергей её не заметил.

«Люди входят и выходят, люди входят и выходят», – твердила себе Оля всё время, пока, глотая слёзы, не видя, не разбирая дороги, медленно брела к метро.

Она поклялась никогда-никогда больше не встречаться с Сергеем и даже не отвечать на его звонки. И ей было невдомёк, что если бы она подождала у соседнего подъезда ещё немного, то увидела бы, как буквально через пять минут эта брюнетка от Сергея вышла. А всё потому, что тот дал объявление о продаже пилон, и брюнетка перед покупкой решила на пилон посмотреть. Только Оля об этом никогда не узнала.

Порой судьба странно тасует свои карты.

5. Когда утро начинается с шампанского

*Глава, которая начинается с позитивной установки, а заканчивается трагически.
А ещё: кое-что о Таиланде, фридайвинге и эротических мечтах юных девчушек.*

Оля на звонки не отвечала.

Крылов подумал, что жить, как в водевиле, когда от одной любви, ты легко бежишь ко второй, а потом к третьей, напевая развесёлые куплеты, у него получается плохо. Он открыл Свою Любимую Книгу, ткнул наугад пальцем в первое попавшееся на глаза слово и прочитал громко, внушительно, с выражением:

– Не навязывайся. Мир огромен – в нём непременно есть человек, который будет счастлив от твоего взгляда и улыбки.

Он набрал лучшего друга Мишку, прозванного Цыганом ещё в институте за буйные кудри и вечную белозубую улыбку, и стал ему жаловаться на жизнь.

– К телефону она не подходит. Сама не звонит. И я не знаю почему, – рассказывал Крылов про Олю, разумеется, а не про жизнь, потому что жизни по телефонам не разговаривают.

– Тебе надо было тогда выбрать Настю, – с интонациями знатока ответил ему Цыган. – Они же обе хорошенькие.

– Мне больше Оля понравилась, – сказал Крылов горестно и добавил: – Нет, что-то не везёт мне, Мишка, с девчонками.

– Подумаешь! Только второй случай! – вскричал Цыган. – Но ты же знаешь народную мудрость, что если в одном месте тебя послали...

– Да знаю, знаю, – перебил его Крылов и скороговоркой закончил знаменитую фразу: – То в другом просто заждались... Только никто меня не ждёт, Цыган. И случай уже не второй, а третий.

Они помолчали. Потом Цыган вдруг начал рассказывать невозможно бодрым голосом:

– Слушай, что вчера со мной произошло! Сажу дома, пью вискарик, смотрю кинишко, задрав ноги на стол, а тут звонок... Женский голос: «Ты в магазин сходил? Ты в квартире убрал? Ты помнишь, что завтра мама приезжает?» Я – ей: «Минуточку!» А она: «Что минуточку, чудовище? Неужели ты Сашеньку из садика не забрал?» Я, не говоря больше ни слова, сбросил вызов... И так мне хорошо стало, что это номером ошиблись.

– Это ты к чему? – спросил Крылов.

– Это я к тому, что от этих женщин одни только проблемы. Без них лучше.

– Но ты же так не думаешь, Мишка? Ты же это только сейчас сочинил? Для меня, да?

– Нет, не сочинил, скажешь тоже. За кого вы меня, корнет, принимаете?

– А что же тогда, поручик?

Цыган помолчал и нехотя сознался:

– Я в сети вычитал, мать твою.

Крылов хмыкнул. Они опять помолчали, а потом простились. Крылов не спросил, как у Цыгана с Настей, а тот не стал ему о Насте ничего рассказывать – они оба имели деликатность.

«В мире обязательно есть человек, который будет счастлив от твоего взгляда и улыбки, – опять вспомнил Крылов и подумал, что улыбка у Верочки – это что-то необыкновенное. Что-то такое... Сказочное просто!

Он никак не мог найти нужного слова и нахмурился. Это было на него непохоже: уж чего-чего, а слов он знал много, и обычно в карман за ними не лазил. Наверное, он устал и от недосыпания, и от вечно серого неба над столицей Родины, и от мокрой снежной каши под ногами – зимой он Москву просто ненавидел и жалел, что в ней родился. Это означало, что ему пора отдыхать. Хорошо, что скоро Новый год, и он летит с Верочкой в Таиланд.

А ещё он и сам хотел попробовать, что произойдёт в его жизни, если начать день не с кофе, а с шампанского, наконец!

Твою-то мать!

После довольно утомительного и долгого перелёта Крылов и Верочка попали в рай.

Их отель на Пхукете – тропическом острове в Андаманском море – был недорогой, но неплохой, с большой и хорошо озеленённой территорией, роскошным пляжем с удобным заходом в воду и вежливым персоналом. Им понравилась тайская кухня: потрясающая рыба, огромные креветки, разные виды лапши под устричным соусом и фрукты – рамбутаны, манго, дрэгон-фрут, личи, мангостины. Пришлись им по душе и доброжелательность, радушие и вежливость местных жителей, но только пока они не столкнулись с ними поближе. И тогда они познакомились с другой стороной тайского гостеприимства. А случилось это как раз на Новый год...

Новогоднюю вечеринку они решили устроить на длинном и красивом пляже, где тысячи иностранных туристов ежегодно встречают Новый год под шум волн и всполохи салюта. Крылов специально для такого случая купил бутылку шампанского и надёжно упаковал её в рюкзак. Но долго решили по пляжу не гулять – Верочка из-за колена ещё ходила с трудом.

Ближе к полуночи пришли на пляж. Уже вовсю бушевали залпы новогоднего салюта, они затихали на какое-то время, потом вновь освещали небо всполохами. Их окружали толпы народа. Все улыбались, пели и обнимались. Из многочисленных прибрежных ресторанчиков доносилась музыка. Банкетные столы белели скатертями у самой кромки прибоя. Столы освещались свечами, факелами и гирляндами фонариков, протянутыми во всех направлениях.

Верочка и Крылов, держась за руки, искали себе относительно спокойное место, где можно было присесть. Впереди них шли две девчонки. Они кричали по-русски, дурачились, принимаясь бегать друг за другом.

– Русских много, – улыбаясь, заметила Верочка и посмотрела на Крылова.

– Русских везде много, – ответил он и сжал её ладонь.

Неожиданно впереди, под ногами русских девчонок, раздался хлопок, и одна из них, вскрикнув, рухнула в песок на колени. Крылов остановился, потом шагнул ближе, стараясь разобраться.

– Что случилось? – спросила Верочка испуганно.

– Кажется, она наступила на бутылку с пивом, и та взорвалась, – ответил он, снимая с плеча рюкзак и протягивая ей, чтобы освободить руки. – Такое случается иногда. Кто-то уронил бутылку, а она наступила. Я посмотрю...

Он подошёл и всмотрелся в полумраке: упавшая девчонка, изогнувшись, с ужасом глядела на свою пятку, из которой хлестала кровь, её подруга бестолково сутилась рядом, вглядываясь в быстро темнеющий от крови песок и зачем-то отбрасывая прочь бутылочные осколки. Возле них начали собираться люди.

– Что же вы босиком ночью-то? – спросил Крылов, опускаясь на корточки рядом с пострадавшей.

Та молча глянула на него тёмными провалами глаз. Её била дрожь. Она явно была в шоке. Крылов подхватил её на руки, поднял, понёс из толпы. Закричал громко, по-русски:

– Где здесь травмпункт?

Откуда-то сбоку подскочил таец, залопотал непонятно, рукою показывая направление. Крылов бросился в ту сторону, тяжело, мелкими шагами переставляя вязнущие в песке ноги. Девушка на его руках всхлипнула и завывала. Это помогло найти дорогу: люди оборачивались, расступались, указывали руками. Крылов увидел какой-то домик, бросился к нему. В открытый проём без двери разглядел каталку, сориентировался, вошёл, положил на неё девушку, из пятки которой струйками хлестала кровь так, что пол вокруг быстро сделался красным.

Вбежала её подруга, увидела лужу крови, охнула, зажимая руками рот. Следом вошла Верочка, прихрамывая. Она закричала по-английски, требуя врача. Из-за ширмы вышел таец в голубом халате, посмотрел на пострадавшую, ушёл обратно. Оттуда же показалась тайка в медицинской шапочке, глянула круглыми испуганными глазами и быстро втянула голову. Верочка закричала им, что надо остановить кровь. Тайка опять выглянула, пробормотала, что они не говорят по-английски. Крылов прошёл за ширму: у этих медиков был накрыт новогодний стол, впрочем, медсестра в шапочке уже звонила куда-то.

Крылов вышел, подсказал Вере:

– У тебя с собой всегда аптечка...

Верочка полезла в свой рюкзачок, трясущимися руками вытащила бинты и стерильные салфетки, протянула ему. Он начал быстро, торопясь и путая в спешке косые и восьмиобразные ходы бинта, перевязывать пятку девушки. Та, почти без сознания от потери крови, открыла глаза и попросила пить. Её подруга убежала за водой.

Когда приехала машина скорой помощи, подруги с водой всё ещё не было, и Крылов решил ехать с пострадавшей вместо неё. Он помог медикам переложить в машину потерявшую сознание девушку. Верочка записала адрес госпиталя, в который её хотели доставить.

По дороге Крылов пытался узнать имя девушки – та временами приходила в чувство и потрясённо смотрела на него щёлчками глаз. Девушку звали Наташа, она приехала с подругой Дианой на этот остров отмечать Новый год. Крылов подумал, что Новый год наступил, и грустно улыбнулся, вспомнив о бутылке шампанского и о своём рюкзаке. И тут же с отчаянием понял, что сумка Наташи с её телефоном и, конечно же, с документами осталась у Дианы.

При въезде в госпиталь Крылов помог медикам затащить носилки в операционную. Наташе промыли пятку, зашили рану, сделали укол. Потом сестра и подошла к нему со счётом на целых 12000 батов. И вот тогда Крылов сообщил ей, что денег и документов у них нет.

– Но скоро сюда приедут друзья с деньгами, – обнадёжил он сестру и уверенно улыбнулся.

Сестра изменилась в лице.

– Патрик! – закричала она.

Появился охранник – здоровый мужик, европеец.

– Вы отказываетесь платить? – спросил он по-английски угрожающе.

– У нас с собой нет таких денег, – ответил Крылов тоже по-английски, как можно спокойно и миролюбиво. – И ещё пострадавшей нужно связаться со страховой компанией...

– Свяжитесь вы. Или оплатите счёт.

– Я не знаком с пострадавшей. Но скоро к нам приедут...

Охранник не стал слушать, закричал:

– Платите! Или мы сейчас ей швы разрежем, и пусть кровью истекает!

Сестра не поняла, что отвечает Крылов, и подумала, что он отказывается платить. Она раскричалась, размахивая руками, потом убежала. Крылов позвонил Верочке – та была недоступна. От отчаяния он начал звонить Цыгану, потом другим знакомым в Москву, но наступил Новый год – никто не отвечал. И тут в коридор под руки вывели Наташу – та прыгала на одной ноге. Крылов подхватил её на руки, посадил на диванчик.

В приёмном отделении появилась другая группа медиков с каталкой. На каталке везли пострадавшую – девочку с открытым переломом голени. Но прежде чем закатить девочку внутрь, сестра вывернула её сумку и порылась в содержимом. Найдя паспорт, сестра заулыбалась и кивнула. Только после этого каталку с потерявшей сознание девочкой завезли в операционную.

Патрик стал гнать Крылова.

– Куда мы пойдём? Она очень слаба и едва держится! – сказал Крылов и напомнил: – Вы же хотели взять с нас деньги!

– Видели новую пострадавшую? – ухмыляясь, ответил Патрик. – Она за всё заплатит, и за вас тоже. А вы ступайте куда хотите!

Он животом оттеснял Крылова к выходу. Крылов опять взял Наташу на руки, пошёл на улицу. Небо уже светлело. Рядом с госпиталем не было ни жилых домов, ни кафе. Пустая дорога тянулась вдаль.

– Ты как? – спросил Крылов у Наташи.

– Голова кружится, – ответила она, заплакала и спросила: – Что же мы будем делать? И где же Дианка?

– Без паники! Сейчас возьмём такси, – ответил Крылов. – На такси деньги у меня есть.

Он пошёл по дороге, оглядываясь на каждую изредка проезжающую машину, которой Наташа махала рукой. Никто не останавливался. Тайцы с интересом смотрели на них и ехали дальше. И тут Крылов увидел Верочку: она и Наташина подруга быстро вылезали из затормозившего рядом такси.

– Мне дали адрес, но отвезли вас в не в тот госпиталь, – сказала Верочка. – Пришлось объездить наугад несколько. Поэтому так долго.

– Ну, и хорошо, едем отсюда, – ответил Крылов.

Они поехали в другую больницу. Когда Наташу в сопровождении Дианы повезли на перевязку, Крылов и Верочка вышли на улицу и сели на ступеньки крыльца. Солнце уже встало.

– У нас где-то была припрятана бутылка шампанского, – пробормотал Крылов замучено.

– Она нагрелась, наверное, – ответила Верочка и улыбнулась утомлённо и виновато.

– Ничего страшного, – ответил Крылов. – Мы же хотели с тобой как-нибудь начать день с шампанского. А с утренним шампанским, наверное, всегда так – оно по утрам тёплое. Но очень пить хочется.

Верочка вытащила бутылку. Крылов начал снимать с горлышка фольгу и проволочку. Когда пена полилась через край, он покосился на Верочку и сказал:

– С Новым годом тебя!

– А тебя с новым счастьем, – ответила она.

В тот день Наташа и Диана уплыли на пароме на свой остров.

Потом Диана вернулась с вещами и поселилась в отеле Верочки и Крылова, и они стали ходить на пляж втроём. Дианка оказалась весёлой и спортивной девчонкой. Она увлекалась кайтсерфингом и была в этом виде спорта даже опытнее Крылова. Они оставляли Верочку загорать под тентом, а сами уходили отрабатывать технику в зону для новичков. Потом они возвращались и шли втроём обедать.

Так прошло несколько дней. Но как-то, вернувшись к обеду, Крылов увидел, что возле Верочки крутятся два молодых мужика. Они смеялись, протягивали к ней руки, помогая подняться с шезлонга.

Крылов приблизился и сказал строго:

– Здравствуйте, молодые люди.

Молодые люди опешили. Тут к ним подошёл ещё один парень. Он протянул Верочке стакан сока и сказал с улыбкой:

– Апельсинового не было. Я принёс грейпфрутовый.

От растерянности Крылов на секунду застыл. Это оказалось неожиданно больно, словно любимая птичка, которую он кормил с рук, до крови клюнула его в ладонь. Он выхватил у Верочки запотевший стакан. Сказал, выплёскивая сок в урну:

– Очень много льда. Так и простуду можно схватить.

Поставил стакан и поднял Верочкину сумку. Она, неловко улыбаясь, попрощалась с молодыми людьми. Те проводили её разочарованными взглядами – Крылов, уходя, неожиданно даже для самого себя оглянулся и увидел это.

– Всё, больше я тебя одну не оставляю, – сказал он Верочке после обеда. – Изволь сидеть в моём номере на балконе, а мне сейчас надо кое-куда сходить.

– Куда сходить? Что ты придумал? – спросила Верочка.

– Я теперь придумал заняться фридайвингом, – ответил он. – И мне надо сходить к инструктору. Кстати, этим спортом тебе заниматься можно. Нагрузки на колено почти не будет.

– Никогда не погружалась в воду, – сказала Верочка. – С удовольствием попробую. Ты уже предупредил Дианку?

Крылов замер, посмотрел на неё внимательно, сказал:

– Что-то мне не хочется её предупреждать. Пусть себе занимается кайтсерфингом или чем угодно. И с кем угодно.

Вераглянула на него насмешливо – в её взгляде была явная насмешка, это он сразу почувствовал. Объяснил ей:

– Диана, конечно, интересная девушка. Но рядом с нею я чувствую себя дичью. Каким-нибудь оленем, которого хотят завалить, и присматриваются, соображая, какой взять патрон, чтобы уже наверняка. С одного выстрела.

Крылов ушёл, а когда вернулся, то услышал на своём балконе мужской голос. Он выскочил на балкон: Верочка сидела в шезлонге, а через перила соседского балкона чуть ли не по пояс свесился парень и что-то рассказывал ей.

– Здравсте, – буркнул Крылов парню. – А вы, получается, мой сосед?

– Утром прилетел, – ответил парень, протягивая руку. – Меня Николаем зовут.

– Очень приятно... Сергей, – в свою очередь представился Крылов, пожимая руку, и уже обращаясь к Верочке, добавил: – Завтра мы с тобой едем на Симиланские острова. Готовься.

Вечером они прочитали, что Симиланские острова – самый красивый национальный парк северной части Андаманского моря. Приехав туда, они поняли, что это ещё и самое красивое место Таиланда. А также – совершенно нетронутая природа: гранитные скалы, подводные пещеры, причудливые коралловые рифы и пляжи с прозрачной голубой водой и ослепительно белым песком. Вечером они не захотели уезжать и решили остаться в парке ещё на два дня с ночёвкой в палаточном лагере.

Ночевать с Верочкой в одной палатке Крылову было несложно. Она со своим распухшим коленом, стянутым ортезом, вызывала у него не сексуальные чувства, а скорее желание заботиться о ней, защитить её, может быть, даже взять на руки и отнести куда-то. И ещё он хорошо помнил, как у него самого болело колено и как ему было тогда худо... А, впрочем, они так устали за день, что рухнули в сон, как убитые.

Перед сном, правда, Верочка спросила у него почему-то:

– А когда ты себе мениск порвал?

– На горных лыжах, это случилось давно, – ответил Крылов. – Я был тогда совсем глупым мальчишкой. Мы катались с родителями в Куршевеле...

– Ой, это же очень дорогой курорт! – удивилась она.

– Ну, там и дешёвые отели есть, – отговорился Крылов, почти засыпая. – То есть, встречались раньше. Я же говорю... Это случилось давно.

Она ничего не ответила. Крылов пожелал ей спокойной ночи и тут же забылся сном.

А Верочка долго не могла заснуть.

Она лежала, слушала дыхание Сергея и с упоительной горечью ждала, когда у неё перестанет отчаянно колотиться сердце, а заодно и ныть колено. Днём пришлось много ходить – вокруг было столько интересного! Но главное, что с ними рядом, наконец-то, не было Дианы...

Нет, Диана была славная девушка и очень красивая. Но она была всё же лишняя в их паре с Сергеем. Вот только сама Диана этого не понимала или делала вид, что не понимает... Ах, если бы этой Дианы с ними не было! Пусть она денется куда-нибудь, что ли?

Что Диана вернулась в их отель не просто так, Верочке стало понятно с самого начала. Когда они в ту злополучную новогоднюю ночь разыскивали Сергея и пострадавшую Наташу по больницам, Диана у неё всё расспросила – кто такой Крылов и откуда он, и в каких он с нею отношениях. Не могла же Вера ей солгать? Пришлось рассказать правду, что Сергей ей – никто, просто сотрудник на работе. И потом не было ни минуты, чтобы она об этом не пожалела.

Диана целеустремлённо добивалась Сергея, но, как оказалось, тот это тоже понял. А тут ещё так вовремя подвернулись эти ребята на пляже, которые пришли к ней знакомиться, насмешили её и принесли сок. Ах, как же Сергей разозлился! А разозлившись, устроил эту поездку в национальный парк, где было столько чудесного.

Парк объединял в себе девять островов, которые для удобства все называли цифрами. На самом большом острове находилась скала, играющая роль смотровой площадки, а ещё потрясающий тропический лес – настоящие джунгли. На других островах располагались кафе и рестораны. На третьем острове не разрешалось ходить на пляж, потому что он принадлежал большому морскому черепахе – они откладывали там яйца. Зато несколько островов считались раем для пляжного отдыха. А ещё они начали заниматься погружением в воду.

Их тренер по фридайвингу оказалась женщиной, русской по происхождению, причём женщиной с фантастической, завораживающей увлечённостью своим делом. Она обучала людей, которые хотели научиться нырять в морях или озёрах не для рекордов, а просто для удовольствия, для слияния своего тела с водой.

– Без дыхания в течение долгого времени у человека начинает страдать головной мозг. Однако в мире есть удивительные люди, которые могут в воде не дышать долго и без всякого вреда для себя, – объяснила им тренер перед первым погружением.

Верочка сначала очень удивилась, а потом ей неизъяснимо понравилась глубина. И понравилась разминка для ушей с расслаблением челюстей, дыхательные упражнения и растяжка шеи, когда нежно тянешься ухом к плечу и, особенно, полюбились смешные шутки перед погружением, которые у их тренера были всё время разные.

Тренируясь в погружениях на глубину, они использовали верёвку, чтобы плыть вдоль неё. Через несколько дней Верочка ныряла уже на глубину пятнадцати метров. И их тренер говорила, что она не просто хорошо ныряет – долго, например, или глубоко – а она красиво ныряет, в воде она как будто летит в свободном парении. Да Верочка и сама это чувствовала – в море в ней всё будто танцевало, изнутри сливаясь с водой.

А ещё была свобода – и свобода мысли, когда ты заглядываешь глубоко в себя, и свобода времени, которое под водой течёт совсем не так, как на земле, и свобода общения с морскими обитателями, которые, принимая тебя, как равного, позволяют приблизиться к себе вплотную. В прозрачной тёплой воде мелкой рыбы сновало – не счесть, а иногда к ней даже приплывали большие морские черепахи.

Только, конечно, колено уставало. А ещё Сергей нервничал, когда она была под водой. И вот один раз, когда она поднялась с погружения, Сергей и сказал ей, протягивая полотенце:

– Почему-то хочется взять тебя на руки и отнести во дворец. Только, вот незадача, дворца у меня нет.

Верочка посмотрела на него, а он улыбнулся и добавил, смущаясь:

– Ты – словно заколдованная царевна. И я боюсь к тебе прикоснуться. Вдруг ты расколдуешься и очарование исчезнет...

От своей вечной застенчивости Верочка не знала, что ответить.

Она, конечно, хотела сказать, что не расколдуется никогда-никогда, но не осмелилась.

Когда Сергей и Верочка вернулись из Симиланы, Дианка проследила за ними и увидела, что они по-прежнему живут в разных номерах.

И поняла – между ними всё ещё ничего нет. Это её удивило и обрадовало. Странная они парочка... Ну, и ладно! Ей же лучше.

Что Сергей не евнух и что всё у него работает, как надо, она ещё раньше заметила, специально спровоцировав на пляже нужную ситуацию. И пялился он на неё исподтишка, как всякий нормальный мужик. Хотя о современных мужчинах Диана была невысокого мнения. И часто на работе в обеденный перерыв она собирала вокруг себя кружок хохочущих девчонок, обсуждая сильную половину человечества.

– Да что вы хотите от молодых мужиков? – спрашивала она подруг. – От этого поколения, воспитанного интернетом, которые себе намозолили глаза доступными жопками? Это старые мужики ещё облизываются вслед каждой коротенькой юбчонке, ни одну не пропустят.

– Только шеренги «старичков» постепенно редуют. Да и сами они уже не те, – отвечали ей женщины с опытом.

– Ну, а молодые – так совсем не реагируют на сексуальные стимулы, – спорила она. – А чего на них реагировать, если молодые убили в себе все желания порнухой лет с десяти?

И подружки сходились во мнении, что нынешний мужик стал гораздо пассивнее...

Но Сергей был не такой. И он очень понравился ей своей мужской надёжностью и тем, как уверенно, не поколебавшись ни минуту, помог им в беде даже в новогодний праздник... Да, конечно, жалко, что у Наташи вышел такой неудачный отпуск, и что ей пришлось улететь домой. Но Диана в глубине души была рада, что всё так получилось. Ведь иначе она бы никогда не познакомилась с Сергеем.

И когда Сергей и Вера приехали из Симиланы, Дианка навязалась пойти с ними на тайский рынок. И здесь она неожиданно узнала, что те послезавтра улетают. И уже глаза её не смотрели на скопище байков возле рынка, трёхколёсные мопеды-макашницы с крышей и газовым баллоном, торгующие жареными блинами и шашлычками из курицы, на певцов в сопровождении музыкальных групп и на тайцев, азартно бросающих дротики для того, чтобы выиграть плюшевую безделушку.

А рынок Пхукета, как и каждый рынок тропического города, был шумен и пёстр: мужчины, женщины и дети, полураздетые туристы и наглухо закутанные мусульманки, расхристаные европейские босяки и улыбчивые местные торговцы сновали, сидели и даже лежали здесь среди повозок и корзин с горами китайской капусты, кучами кукурузных початков, горами артишоков и пучками сельдерея, молодого бамбука, салата и прочей зелени.

Горячие лучи солнца высвечивали среди этого зелёного великолепия баклажаны – и обычные синие, и тайские вишнёвые и шарообразные зелёные размером со сливу. Круглые огурцы-бейби своими надутыми формами напоминали белые груши, рядом с ними лежали обычные огурцы и красные помидоры, стройные перья зелёного лука, манго зелёные и манго зрелые – жёлтые, как бананы, и мягкие, как персик, спрятанные каждый в пластиковую сеточку.

А дальше, дальше обыкновенные яйца сияли меловой белизной, яйца розовые удивляли необычностью оттенка, а разнообразная готовая еда потрясала: широкие глиняные миски с кусками варёной говядины в желе, огромные блюда с кружевными лоскутьями бараньих салников, креветки в кляре и солёные тараканы в тарелочках, а в кастрюльках – перемешанные с мелкими пахучими листьями тараканы жареные. Самодельные крутилки с моторчиками отгоняли мух полиэтиленовыми пакетами от этого изобилия.

В многочисленных корзинах, несколько в стороне, стоял ночной океанский улов – разнообразная рыба широко разевала пасти, пучила глаза, изредка была хвостами. От мокрых больших мешков с мидиями шёл свежий, волнующий запах морской травы. Бледные, невыразительного цвета огромные лягушки находились в аквариумах. Они сидели тесными рядами, высунув из воды головы, и смотрели на мир тёмными, всё понимающими глазами. За ними в лотках – рядом с присыпанными льдом осминожками и неразделанными кальмарами – теснились черепашки, крабы и голубовато-серые свежие лобстеры.

И морских, и других даров было огромное множество. Тут и там среди малиновых связок перца-чили и сваленных красно-зелёными горками колючих рамбутанов виднелись гигантские улитки, совсем маленькие морские гребешки и развалы ракушки-песчанки и рапанов. Акулы белели животами возле дрэгон-фрутов, личи и мангостинов. Чьи-то длинные усы и ножки торчали из воды, кипящей от струй подаваемого воздуха, и тут же высились столы с разноцветными сладостями, приготовленными по национальной традиции с острым перцем.

Всю дорогу с рынка Диана сочиняла план по завоеванию Сергея и твердила себе: «Это мой единственный шанс!» И она придумала, что ей необходимо предпринять. И поэтому даже не стала навязываться этой «сладкой парочке» на завтрашний день.

Последние дни Вера уходила с моря раньше Сергея, который ещё продолжал тренироваться в воде. Вот завтра, во время такого его погружения, Диана и поплывёт к нему под водой, спрыгнув с камня, расположенного неподалёку. Потом они пойдут к отелю вместе, станут разговаривать о фридайвинге, и тогда Диана признается ему в своей любви. И пристально, долго посмотрит на него, полуприкрыв глаза.

Сергей вздохнёт, захлебнувшись от чувства, застонет, двинется на неё, придавит к стене так, что она почувствует лопатками холод камня. Поцелуй их будет долгим, сладким, томительным. И будет его тело пахнуть солью, зноем и ветром, и будет у её живота твердеть его мужская сила. Потом они, без всяких слов – к чёрту слова! – бросятся к ней в номер... С трудом откроют дверь... Пойдут от порога к кровати, срывая и отбрасывая одежду... И там он войдёт в неё на выдохе, с первобытной яростью, в великой погибельной муке, не отличимой от самой смерти...

А утром, перед своим вылетом, Сергей оставит ей свой телефон и пригласит в Москву. План получился просто великолепный, как в кино. И сегодня был единственный шанс на его выполнение.

И она прыгнула. Под водой она сразу же мощным гребком пошла по направлению к Сергею, надеясь его удивить своим эффектным появлением.

Она плыла, стараясь не подниматься под выталкивающим действием воды. Она читала о фридайвинге и давно тренировалась не дышать... Многие думают, что дыхательные упражнения состоят в том, чтобы научиться набирать в лёгкие больше кислорода. На самом деле всё, как раз, наоборот: во время упражнений надо не дышать, чтобы приучить организм выбираться из этого тяжёлого состояния. У Дианы получалось не дышать целых три минуты.

Она знала, что у всех фридайверов, даже самых знаменитых, во время ныряния обязательно появляется чувство страха. И что не надо реагировать на порывы всё бросить и подняться на поверхность. Но она посмотрела вверх, не зная, что этого делать нельзя. И увидела расстояние до поверхности – этот далёкий, освещённый солнцем круглый свод воды над головой, и поддалась панике.

Диана ещё попыталась плыть, и это было последнее, что она успела осознать и сделать. Почувствовав стеснение в груди и неодолимое стремление сделать вдох, она дёрнулась всем телом, потом глаза её перестали видеть, и не было желания всплывать и двигаться куда-то, но она ещё какое-то время продолжала слышать, как в голове, где-то в затылке и в ушах, всё тише и тише стучит чьё-то пылкое сердце...

И она так и не поняла, что шанс не бывает единственным в жизни.

Единственной бывает только жизнь.

6. Интернет-магазин.Ru

Глава, которую непременно надо прочитать всякой начинающей царевне перед тем, как ехать на званый пир.

А ещё: о всемирно известных Домах Моды, стильных брендах, непонятных родителях и шарлотке.

Девочки приехали вовремя.

Ровно в десять часов они уже звонили в дверь. Верочка открыла. Сразу с порога начались их обычные ахи, охи, поцелуйчики. Потом Соболькова деланно принялась и спросила:

– А чем у тебя так вкусно пахнет, Верунь?

– Секрет хранит Шарлотта, – прошептала Верочка таинственно.

– Ах, моя рыбка! – воскликнула Пантелеева. – Ты шарлотку для нас затеяла!

– А я привезла колбаски и вина, – сдержанно, с достоинством сообщила Соболькова и прошла в ванную мыть руки.

– А я привезла нектарины и черешню, – крикнула ей вслед Пантелеева.

– Вино у меня тоже есть. А ещё сыр, – сказала Верочка.

– Ох, и загуляем! – вскричала Пантелеева.

Она тоже пошла мыть руки. Скоро из ванной донёсся её голос:

– Вер, у вас плитка со стены совсем осыпалась!

Верочка пошла к ванной, встала в дверях, проговорила скованно:

– Да, но затевать сейчас ремонт так не хочется... Я ещё не до конца оправилась со своим мениском. Да и денег нет.

– Ну и ладно, – тут же согласилась Соболькова. – Она же только на одной стене осыпалась. На других же держится.

Верочка промолчала. Она скользнула в комнату и села за монитор. Девочки тоже разместились в комнате со своими журналами и планшетами и начали проглядывать материалы, которые подобрали заранее. Тишину нарушила Пантелеева.

– «Специалисты утверждают, что стиль любой женщины подпадает под одну из четырёх глобальных категорий, – зачитала она. – Современная женщина или минималистка, или модернистка, или романтик, или традиционалистка».

– Я – романтик, – сказала Верочка, немного подумала и добавила: – И минималистка.

– Ну, подруга, выбирай что-нибудь одно, – проворчала Соболькова.

– Хорошо, я – только романтик, – согласилась Верочка.

– За это надо выпить! – провозгласила Пантелеева, она откинулась на спину и задргала ногами.

– Ой! Забыла! – вскричала Верочка и побежала на кухню.

Девчонки хвостиками потянулись за ней. Скоро они расселись по кухне с бокалами красного, планшетами и сырными тарелочками.

– Ну, что там дальше? – спросила Вера.

Пантелеева зачитала с выражением:

– «Девушка-минималистка предпочитает чистый и прямолинейный дизайн в одежде и в интерьере... Для модернистки в утверждении своего внутреннего «я» всегда актуальна экспрессия причудливых узоров и ярких оттенков... Девушка-романтик проявляет свой вкус с помощью простых элементов, но изысканных текстур и сложных сочетаний».

– Ну, всё правильно, значит я – романтик, – перебила её Верочка и спросила: – А фотки романтических нарядов есть?

Все окружили Пантелееву. Скоро они уже почему-то рассматривали страницу: «Романтический ужин: праздник любви для двоих».

– «В начале так называемого «конфетно-букетного» периода к романтическому ужину рекомендуется одеваться сексуально, но не провокационно», – зачитала Пантелеева голосом оракула.

– Это как? – Не поняла Собољкова.

– «Короткая юбка и большое декольте – не лучший вариант, – продолжала зачитывать Пантелеева. – А вот длинная юбка с разрезом и небольшой вырез на груди, открывающий все, что требуется приоткрыть, будут смотреться очень хорошо».

– Ага. Всё, что требуется приоткрыть, – повторила Собољкова и отобрала планшет у Пантелеевой.

Верочка поднялась и полезла в духовку. Пантелеева присела рядом, вглядываясь в шарлотку. Когда они вернулись к Собољковой, та рассматривала уже страницу «Переписка с иностранцем: как найти общий язык».

– Как у тебя переписка с твоим болгариним? – спросила Верочка у Пантелеевой.

– Зовёт меня к себе на отдых, – сказала та. – Вот не знаю... Он живёт в Варне.

– Ну, и чего тут не знать? – подбодрила её Верочка. – Варна – прекрасный город.

Тут Собољкова демоническим голосом произнесла, читая с планшета:

– «А может случиться и так, что коварный зарубежный возлюбленный оставит вас ещё и без денег!»

Она подняла голову, посмотрела на Пантелееву и отрезала угрожающе:

– Русскими буквами написано! Что специально всяких дурочек заманивают.

Пантелеева молчала.

– «Особенно должно настораживать, если ваш знакомый по переписке просит денег взаймы, даже незначительную сумму», – забубнила Собољкова текст с планшета.

– Вообще-то, если честно, я уже билеты купила, – призналась Пантелеева, не выдержав. – В отпуск и полечу.

– Ой, смотри, подружка! – Закатила глаза Собољкова.

– Да ну тебя! – не выдержала Пантелеева и отобрала у неё планшет. – Давайте делом заниматься!

Она открыла свою закладку и объявила:

– «Известный бренд «Влигер и Вандам» уже покориł просторы Европы своими сумками с пистолетом!»

– С каким пистолетом? – спросила Собољкова. – Это из тиснёной кожи, что ли?

– Только пистолета мне не хватает, – пробормотала Верочка. – Чтобы застрелиться.

– Да, из кожи. Эти сумки уже в музее выставляются, – сказала Пантелеева. – Высший класс!

– Дай посмотреть! – вскричала Собољкова, выхватывая у неё планшет.

– Ирка, твою мать! Я тебя убью! – крикнула Пантелеева, оставшаяся без планшета.

Но Собољкова уже бормотала текст, попавшийся ей на глаза на нечаянно открывшейся странице:

– «Маленькое черное платье – это универсальный наряд для любой женщины.»

Она тут же забыла о сумке с пистолетом, побежала в прихожую и встала боком к зеркалу, подтягивая живот. Закричала оттуда:

– Не, мне маленькое чёрное платье точно не светит!

– Причём здесь ты? Не тебя же Крылов в ресторан пригласил? – крикнула ей Пантелеева. – Возвращайся, дубина! При твоей комплекции маленькое чёрное платье переименуют и станут называть «большим чёрным платьем»! И будут правы!

Собољкова вернулась и застыла в дверях кухни с деланно обиженным видом.

– Коко Шанель писала: «Старость не защищает от любви, но любовь защищает от старости», – зачитала ей Пантелеева и подмигнула.

– Боже, какая умная женщина! – простонала Собољкова, вмиг перестав сердиться.

– Да видела я кино про неё, – зашпорил Верочка. – Вцепилась эта умная женщина в своего любовника как клещ в овцу. Не оторвёшь!

– А может, так и надо, дорогие подружки? – неожиданно спросила Собољкова и откинула чёлку с глаз.

«Дорогие подружки» молча переглянулись.

В полной тишине Верочка прошла к плите со словами:

– Шарлотка, я думаю, готова. Сейчас будем пить чай!

После чая они принялись в комнате просматривать журналы, и новые, и старые, которые собрали со всей бухгалтерии.

– «Девушка, которая носит одежду от Роберто Кавалли – настоящая тигрица, – продекларировала Собољкова напыщенно. – Но её соблазнительность не наиграна, а идёт изнутри. В коллекциях модельера присутствуют стразы, блёстки, имитации шкур животных, кожа и лоскутная техника. Эти наряды многослойны, и в них теряется грань, где гладкие и плотные ткани переходят в прозрачный шифон и тёплый мех».

Верочка покосилась на фото и сказала:

– Ну, я не тигрица точно.

– «Наряды от Кавалли сложно перепутать с другими», – продолжала соблазнять её Собољкова.

– Нет, нет и нет, – отвечала Верочка.

Дальше её не соблазнили ни прозрачные комбинезоны-боди Жан-Поля Готье с его идеальным кроем и виртуозным обращением с материалом, ни «мятые» льняные пиджаки Джорджо Армани с его любовью к нейтральным оттенкам, ни одежда с заклёпками, головой Медузы и глубокими вырезами Донателлы Версаче с фирменными пронзительными расцветками.

– Нет! Это всё не для меня, – отчаялась Верочка. – Лучше я пойду в джинсах и кофточке.

– «Брюки и комбинезоны могут смотреться превосходно, но, если есть вероятность, что свидание закончится в интимной обстановке, лучше всё-таки отдать предпочтение юбке или платью», – тут же парировала Пантелеева текстом со своего планшета.

Верочка притихла. Собољкова посмотрела на неё настороженно, спросила:

– А как у тебя с Серёжкой? Вы хоть целовались?

– Никак у меня с Серёжкой. Даже не целовались, – ответила Верочка. – Мне кажется, мы с ним ещё не уверены в наших чувствах.

Она прошла к книжному шкафу, словно пристально высматривая что-то за его стеклом, а на самом деле незаметно вглядываясь в отражение девушки с огромными несчастными глазами. Та неуверенно, как слепая, коснулась пальцами корешков книг в открытой части шкафа и безвольно опустила руку вдоль тела.

Неожиданно Пантелеева с подъёмом вскричала ей в спину:

– А вот это тебе может понравиться, моя птичка! «Настоящий праздник чувственности: в моде вещи с открытыми плечами!»

Верочка обернулась. Спросила заинтересованно:

– Да?

– Да, дорогая! – подтвердила Пантелеева и продолжила бойко зачитывать текст: – Прежде всего, спешим обрадовать крайне приятным фактом: этот тренд охватил практически всю одежду, от топов и блузок до курток-косух, свитшотов и даже блейзеров... У тебя же великолепная кожа на плечах!

– Напомни, интриганка, что такое свитшот? – осторожно поинтересовалась у неё Соболькова.

– Боже мой! Кто у меня в подругах? Не знать таких элементарных вещей! – вскричала Пантелеева, неожиданно смолкла, растерянно заморгала глазами и закрыла рот.

– Свитшот – это трикотажный джемпер с круглым вырезом под горло и рукавом «реглан», – ответила за неё Верочка.

– А ты откуда знаешь? – спросила Соболькова.

– Сестра носит, – ответила Верочка. – У неё на курсе все девчонки в них ходят.

– Господи, вот молодёжь! Навыдумывают новых названий старым вещам и радуются, – проворчала Пантелеева и спросила у Верочки: – А какая будет у тебя обувь?

– Ну, я купила босоножки от Карло Пазолини, – объяснила Верочка. – Вы их ещё не видели... Серые. Они ко всему подойдут. Сейчас покажу.

– Надеюсь, они не на платформе-копытцах? А то будешь, как стриптизёрша.

– Конечно, нет.

– И колготки, – подытожила Соболькова. – Обязательно – прозрачные супертонкие.

Она помолчала и спросила:

– Подруга, а что ты знаешь об отце Сергея?

– Да ничего не знаю, кроме того, что он отмечает шестидесятипятилетие, – ответила Верочка.

– А кем он работает?

– Серёжа говорил – он уже пенсионер.

– Пенсионер, – сказала Соболькова и повторила, будто пробуя это слово на вкус: – Пенсионер... А ты знаешь, что ресторан в клубе «Палаты Белокаменные» просто блещет дороговизной? Это самый престижный клубешник в Москве. Его ещё называют ярмаркой тщеславия XXI века.

– Не знаю, – недоумённо проговорила Вера.

– Так я тебе сейчас открою глаза, – пообещала Соболькова, нашла страницу и зачитала: – «Гастрономическая жизнь в «Палатах Белокаменных» течёт по своим правилам. За сезоном лисичек идёт сезон трюфелей, который позже сменяется сезоном устриц. Главные хиты – паста «Миллиардер» с чёрной икрой и коньяком». Так... Блям-блям-блям... «Омары, чёрные равиоли и другие кулинарные шедевры». Вот!

– Что-то у них всё чёрное, – съехидничала Пантелеева.

Верочка промолчала.

Тут в дверь позвонили, и она пошла открывать. В прихожей раздался голос Ани, младшей Вериней сестры.

Пантелеева закричала ей:

– Эй, студентка! Помоги нам, любимым девушкам самого Бальзака! Мы тут совсем запутались, не знаем, какой наряд для твоей сестрицы выбрать!

– Вот я к вам и тороплюсь. Смотрите, что я привезла, – ответила Аня, заскакивая к ним со свёртком в руках.

Она развернула свёрток и вытащила отрез бархата тёмно-синего цвета. Расправив ткань, она попросила Верочку поднять руки и обернула бархат вокруг её тела. Пантелеева застыла от изумления, а Соболькова даже рот приоткрыла и склонила голову к плечу.

Насыщенный цвет бархата излучал таинственный свет, словно дарованный самой природой. Глубина этого оттенка напоминала бездонность осеннего водоёма, лишённого легкомысленных летних бликов и рефлексов.

– Этот цвет называется «отражение в пруду», – сказала Аня, обрадованная реакцией девочек на свою покупку, и заговорила дальше, как по писанному: – Он словно создан для соли-

рующей партии: тёмные оттенки наряда он сделает более глубокими, а светлые наделит теплотой и прозрачностью.

– Ты же учишься на дизайнера интерьера, Аня? – уточнила Соболькова. – А откуда ты так хорошо разбираешься в моде?

– Дизайн интерьеров и фэшн-индустрия теперь идут параллельно друг другу! – провозгласила Аня с довольным смехом.

– Поняла, Соболькова? Ты отстала от жизни, – выдала Пантелеева.

– Всё больше знаменитых Домов моды выделяют подразделение Дом... Это когда все подиумные новинки развиваются в дизайне домашнем, – пояснила Аня и повернулась к Верочке. – Платье сделаем с открытыми плечами и без рукавов.

– А на чём у Верочки будет держаться грудь? – спросила Соболькова.

– Нашей Верочке грудь держать не надо. У неё уникальная грудь. Она не маленькая, но держится сама по себе, – ответила Пантелеева довольно.

– А что я надену поверх платья? – спросила Верочка задумчиво.

– Сейчас! – вскрикнула Аня и выбежала из комнаты.

Вернулась она с какой-то вещью и сказала гордо:

– Это носила ещё наша бабушка.

И накинула Вере на плечи ажурную пелерину. Все замолчали в потрясении. Плетёное вручную кружево пелерины было старым и потёртым, и цвет его от этого смотрелся странно, неопределённо. Издалека он напоминал осыпавшуюся местами и потускневшую серебряную парчу. На синем фоне бархата прихотливое плетение кружева мерцало таинственно, завораживающе, как подвенечный наряд сказочной царевны.

– Этот стиль дизайнеры называют «шэбби-шик», – объявила Аня. – От английского слова «потёртый», «потрёпанный».

– Да. Пелерина явно поношенная, – осторожно высказалась Пантелеева.

Соболькова была дипломатичнее.

– Словно старый вельможа вывез свою дочь на раут к английскому посланнику, – сказала она одобрительно.

В дверях загремел ключ.

– Мама приехала с дачи, – сказала Верочка несколько удивлённо и повернулась к двери.

Хозяйка дома появилась в комнате, поздоровалась с Пантелеевой и Собольковой и окинула строгим взглядом Веру с ног до головы.

– Бабушкина пелерина, – пробормотала она и поинтересовалась: – А чем вы тут занимаетесь в такой чудный тёплый вечер?

Узнав, что они сочиняют Верочке платье, хозяйка замерла в раздумье и, наконец, вышла из комнаты. Скоро она вернулась с маленьким футляром и объяснила, протягивая его Верочке.

– Эту хрустальную брошку подарил мне твой папа. Я её так и не приколола ни разу...

Верочка приподняла крышку. Внутри, на чёрной бархатной подушечке лежал прозрачный кристалл в виде стилизованного сердца. Позолоченная стрела пронзала насквозь его мелкие сверкающие грани. Верочка ахнула, вытащила сердце из футляра и застыла, любуясь. Девочки окружили её.

– Это замечательно, мамуся! – воскликнула Аня. – Будет чем скрепить пелерину у горла.

Девчонки закрутились вокруг Веры, осматривая вблизи пелерину и прикладывая к ней брошку.

Хозяйка с доброй улыбкой смотрела на них. Потом сказала:

– Я пойду, схожу к соседке тёте Гале.

Аня обернулась и воскликнула:

– Опять? Что ты к ней всё ходишь? Тратишь время на пустую болтовню? Лучше бы занялась изучением компьютера! Мама, тебе же это надо, сама знаешь!

Та глянула на неё потрясённо, хотела что-то ответить, но, не сказав ни слова, развернулась и ушла. Девочки опять заговорили, обсуждая подробности наряда Веры.

Скоро Пантелеева и Собољкова собрались уходить. Хозяйки и гости вышли в прихожую и увидели приколотую на входной двери записку.

– Мама что-то написала, – недоумённо сказала Верочка, откалывая листочек от двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.